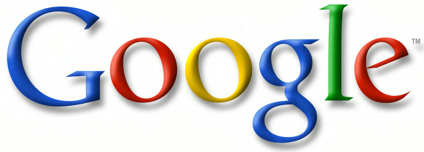
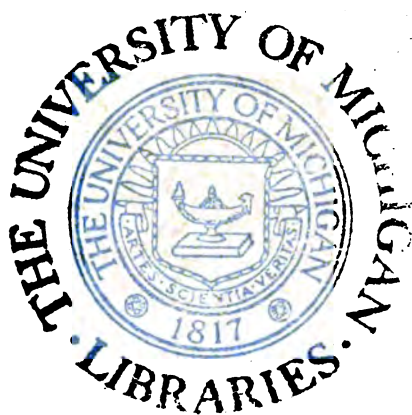

Google

a39015 01810419 3b

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES ·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES · SCIENTIA · VERITAS
1817

Левъ Тихомировъ.

КОНСТИТУЦІОНАЛИСТЫ

ВЪ ЭПОХУ 1881 ГОДА.

3-е пересмотрѣнное изданіе.

Москва.

1895.

Левъ Тихомировъ.

КОНСТИТУЦІОНАЛИСТЫ

ВЪ ЭПОХУ 1881 ГОДА.

3-е пересмотрѣнное изданіе.

Москва.

1895.

Дозволено цензурою. Москва, іюня 3 дня 1895 г.

Левъ Тихомировъ.

КОНСТИТУЦІОНАЛИСТЫ

ВЪ ЭПОХУ 1881 ГОДА.

3-е пересмотрѣнное изданіе.

Москва.
Университетская типогр., Страстн. бульваръ.
1895.

Дозволено цензурою. Москва, іюня 3 дня 1895 г.

ОТЪ АВТОРА.

Первое изданіе настоящей брошюры полностью разошлось въ теченіе *двухъ недѣль.* Этотъ фактъ достаточно показываетъ, какъ сильна потребность общества знать важную переломную эпоху съ 70-хъ на 80-е годы. Выпуская нынѣ второе изданіе своей брошюры, я однако долженъ также отвѣтить на нѣкоторыя недоразумѣнія читателей, мнѣ по поводу ея выражавшіяся.

Нѣкоторые сожалѣютъ, что я обрисовываю эпоху 1881 года *недостаточно подробно.* Объ этомъ никто не можетъ сожалѣть болѣе, чѣмъ самъ авторъ. Но эпоха 1881 года слишкомъ близка отъ насъ; множество людей, участвовавшихъ въ событіяхъ того времени, — до сихъ поръ живы. Это одно дѣлаетъ невозможнымъ касаться въ публичномъ обсужденіи многаго, подъ страхомъ совершить недопустимую нескромность. Та же близость эпохи

многія ея событія дѣлаеть пока достояніемъ не столько *исторіи*, сколько *политической сплетни*: разобраться во всемъ этомъ иногда трудно даже для человѣка, близко наблюдавшаго событія. Цѣль же моей работы состояла не въ томъ чтобы разсказывать болѣе или менѣе спорные анекдоты, а въ томъ, чтобы дать, насколько возможно, дѣйствительно *историческій очеркъ*. Итакъ—рядъ подробностей, за точность которыхъ внутренне нельзя поручиться, непремѣнно должны были быть мною отброшены. Наконецъ,—моя книжка не составляетъ сборника личныхъ воспоминаній, а по самому плану должна быть основана на документахъ, вслѣдствіе чего отпадаютъ и еще подробности, иногда мнѣ вполнѣ точно извѣстныя, но которыхъ я не публикую именно потому, что не хочу переходить въ область личнаго мемуара.

Другое замѣчаніе, которое мнѣ пришлось слышать въ слояхъ *консервативныхъ*, совершенно противоположно первому. Есть люди, которые считаютъ *вреднымъ* будить воспоминанія столь смутной эпохи. Эта точка зрѣнія, признаюсь, производитъ на меня весьма тягостное впечатлѣніе. Я ее считаю совершенно ошибочною. Русскій самодержавный строй

не есть какая нибудь завоевательная деспотія, а строй глубоко *національный*; онъ держится не на рабскомъ подчиненіи ничего не знающихъ и ничего не сознающихъ людей, а есть сознательное достояніе Русскаго народа, свято имъ хранимое и благополучно пронесенное сквозь долгія и тяжкія испытанія исторіи. Не одно правительство поэтому, но и Русскій народъ долженъ знать исторію страны. Мы, какъ выражался М. Н. Катковъ, имѣемъ больше чѣмъ политическія права, мы имѣемъ *политическія обязанности*. Но какъ же мы можемъ исполнять ихъ, какъ можемъ отражать покушенія на нашъ національный строй, не зная исторіи своей? Знаніе ея нужно для дѣятельности полезной и патріотической гораздо болѣе, чѣмъ для дѣятельности вредной и разрушительной, ибо вредная дѣятельность можетъ основываться и дѣйствительно основывается на фикціяхъ, обманахъ и заблужденіяхъ, тогда какъ дѣятельность полезная возможна лишь при ясномъ сознаніи дѣйствительности. Точка зрѣнія, которая видитъ основу общественнаго спокойствія въ общественной безсознательности,—мною поэтому нисколько не раздѣляется. Впрочемъ съ удовольствіемъ могу сказать, что не одинъ я такъ смотрю. За изданіе сво-

ей брошюры я получаю выраженіе одобренія отъ лучшихъ представителей русскаго національнаго направленія, и словомъ и дѣломъ охранявшихъ въ наше время самодержавно-православный строй. Надѣюсь, что ссылка на ихъ авторитетъ успокоитъ нѣсколько тѣхъ черезъ чуръ боязливыхъ консерваторовъ, для которыхъ я пишу эти строки.

Третье замѣчаніе — идетъ уже изъ лагеря *либеральнаго*. Тамъ, какъ я слышу, меня упрекаютъ въ *разглашеніи именъ* конституціоналистовъ 1881 года. Этотъ упрекъ — основанъ всецѣло на незнакомствѣ съ литературой предмета. Я даю *не воспоминанія*. Я даю историческій очеркъ. Ни одного имени, которое не было бы печатно опубликовано раньше, я не называю. Иногда это очень вредитъ полнотѣ моего очерка и очень стѣсняетъ меня, ибо, случается, я знаю больше, нежели пишу. Часто мнѣ было бы легче говорить по личному воспоминанію, чѣмъ рыться въ документахъ, гораздо менѣе полныхъ. Но я веду разсказъ, преднамѣренно подкрѣпляя его не *своимъ* личнымъ свидѣтельствомъ, а *документами*, опубликованными въ разныхъ мѣстахъ и разными лицами. Я, конечно, *объясняю* эпоху такъ, какъ самъ ее понимаю; но *факты*, а въ

томъ числѣ и имена, привожу лишь тѣ, которые уже опубликованы другими лицами, по большей части даже участниками и сторонниками тогдашнихъ стремленій. Упрекъ въ какихъ-либо *разоблаченіяхъ*—является такимъ образомъ совершенно неосновательнымъ. Не понимаю даже, какъ могъ онъ явиться, когда я прямо указываю *источники*. Какъ бы то ни было, повторяю, ни одного имени, которое не было бы раньше печатно опубликовано и, стало-быть, извѣстно всякому, слѣдящему за литературой предмета,—у меня въ брошюрѣ нѣтъ.

За симъ,—не могу не выразить своей благодарности лицамъ, указавшимъ мнѣ на эти замѣчанія и тѣмъ давшимъ возможность мнѣ сдѣлать на нихъ свои объясненія.

Л. Тихомировъ.

10 марта 1895 года.

Нѣсколько объясненій по поводу цитируемыхъ матеріаловъ.

Пользуюсь новымъ изданіемъ моей брошюры, чтобъ отвѣтить еще на нѣкоторыя недоумѣнія читателей, на этотъ разъ по вопросу о цитируемыхъ мною матеріалахъ.

Можно ли полагаться на тѣ матеріалы, нѣкоторые изъ которыхъ публикованы изданіями или лицами въ высшей степени партійными, тенденціозными? Такъ говорятъ нѣкоторые, а другіе прибавляютъ, что цитируя антиправительственныя изданія я какъ бы свидѣтельствую достовѣрность ихъ свѣдѣній вообще...

Въ отвѣтъ, я бы попросилъ такихъ читателей не относиться къ матеріаламъ объ эпохѣ 1878—82 года иначе, чѣмъ они относятся къ историческимъ матеріаламъ ко всякой другой эпохѣ. Отъ всякой эпохи остаются записки, воспоминанія, документы подлинные, документы фальшивые, правда и ложь, за-

блужденіе и точнѣе знаніе. Дѣло писателя, задавшагося цѣлью историческаго очерка, состоитъ въ томъ, чтобы подвергнуть имѣющійся матеріалъ критикѣ и провѣркѣ. Это, понятно, требуетъ извѣстной подготовки, знаній, и если они имѣются въ достаточной мѣрѣ, то писатель справляется съ матеріаломъ, сумѣетъ разобраться среди того сплетенія правды и лжи, которое представляетъ сырой матеріалъ всякой эпохи борьбы и смутъ.

Само собою разумѣется, что на эту критическую работу оцѣнки матеріаловъ я обратилъ вниманіе гораздо раньше, чѣмъ началъ писать свой очеркъ. Какъ современникъ, довольно разнообразно наблюдавшій людей и дѣла той эпохи, издавна слѣдившій и за литературой ея, я даже имѣлъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ многіе, возможности разобраться въ вопросѣ о точности или неточности разныхъ опубликованныхъ данныхъ. Вѣдь эти матеріалы весьма часто даже не составляютъ для меня *источникъ* свѣдѣній, а лишь даютъ *подтвержденіе* ихъ.

Но если я цитирую изъ заграничной печати то, что̀, по критической провѣркѣ, мнѣ кажется несомнѣнно точнымъ, то это не значитъ, чтобы я *вообще* довѣрялъ заграничнымъ

извѣстіямъ о той эпохѣ. Гдѣ же больше и врутъ о Россіи, какъ не за границей! Я и не совѣтую читателямъ, не имѣющимъ подготовки разобраться въ такомъ мутномъ матеріалѣ,—обращаться за свѣдѣніями къ тенденціознымъ изданіямъ. Но собственно меня—они не легко обмануть. Думаю, что впослѣдствіи, когда явится исторія движенія 70—80 годовъ, къ моему разсказу многое *добавится*, но едва ли его *измѣнятъ* въ чемъ либо мало-мальски существенномъ.

Л. Тихомировъ.

2 іюня 1895 г.

I.

Несмотря на близость къ намъ эпохи 1881 года, событія того времени уже начинаютъ довольно сильно изглаживаться изъ памяти общества. Борьба партій захватываетъ у насъ лишь верхніе слои общества, не проникая далеко въ его глубину. Поэтому устное преданіе о фактахъ политической борьбы не можетъ отличаться ни широтой, ни прочностью.

Между тѣмъ литературныхъ источниковъ для ознакомленія съ эпохой,—еще слишкомъ свѣжею,—понятно, пока еще очень немного, да и тѣ большею частію недоступны для публики. Такимъ образомъ пережитый тогда и очень, очень дорого стоившій опытъ во многомъ, къ сожалѣнію, забывается.

Особенно плохо знаютъ нынѣ конституціонныя стремленія того времени. Нынче уже приходится слышать со стороны либераловъ жалобы, будто они въ эпоху 1881 года были, такъ сказать, «оклеветаны», будто имъ были приписаны замыслы, которыхъ они въ дѣй-

ствительности не имѣли. Такъ-ли это? Можно допустить что многіе изъ нихъ тогда не сознавали внутренней логики своихъ стремленій. Но вѣдь и большая часть революціонеровъ точно также сначала не сознавали къ чему они придутъ въ концѣ-концовъ. Эта безсознательность можетъ служить оправдывающимъ или смягчающимъ обстоятельствомъ для *лицъ*, но никакъ не для программъ, идей и стремленій. Можно примириться съ человѣкомъ, который не вѣдалъ, что творилъ. Но это личное прощеніе снимаетъ-ли осужденіе съ *идей*? Дозволяетъ-ли оно воскрешеніе ложныхъ или вредныхъ *программъ*? Между тѣмъ, оставляя въ сторонѣ всякіе вопросы о личностяхъ, о томъ, чего они *думали* достигнуть, мы должны признать несомнѣннымъ историческимъ фактомъ, что либеральныя стремленія эпохи 1881 года *вели* къ ограниченію самодержавія и къ созданію строя конституціоннаго. Въ этомъ отношеніи либералы того времени не только не «оклеветаны», но скорѣе недостаточно осуждены общественнымъ мнѣніемъ глубоко монархической страны. Ибо эти люди—не касаясь степени ихъ сознательности—подготовляли, во всякомъ случаѣ, такую же узурпацію, какъ и революціонеры, въ

формахъ хотя и болѣе приличныхъ, но, пожалуй, еще болѣе неисправимо вредныхъ.

Едва-ли даже нужно доказывать, что самодержавіе, какъ принципъ, отвергалось либеральною частію образованнаго класса еще задолго до царствованія Императора Александра II. Но никакихъ *практическихъ* стремленій къ ограниченію самодержавія, со времени попытки 14 декабря 1825 года, не предпринималось. Напротивъ, съ 1856 года, теоретически осуждаемое, оно долго еще допускалось либеральною мыслію практически, какъ орудіе совершенія либеральныхъ реформъ, подготовляющихъ возможность его упраздненія. «Увѣнчаніе зданія» то-есть дарованіе конституціи, разсматривалось тогда какъ нѣчто представляющееся все-таки въ будущемъ, хотя и очень близкомъ. Практическихъ дѣйствій для достиженія этого «увѣнчанія» не предпринималось. Но когда правительство Императора Александра II стало находить страну достаточно устроенною и пріостановилось въ дальнѣйшихъ «реформахъ», мысль объ увѣнчаніи зданія явилась уже въ попыткахъ къ осуществленію.

Война за освобожденіе Славянъ дала, какъ извѣстно, особенный толчокъ нашимъ вну-

треннимъ политическимъ движеніямъ. Смутность политическихъ идей того времени смѣшивала національную независимость съ народоправствомъ.

У насъ повторилось нѣчто подобное тому настроенію, которое охватило Францію прошлаго столѣтія послѣ участія въ войнѣ за независимость Соединенныхъ Штатовъ. Притомъ же либеральная мысль могла тогда особенно ясно убѣдиться, какой силы достигла она въ самихъ правящихъ сферахъ, ибо, давая устройство освобожденной нами Болгаріи, Русское правительство не усомнилось воздвигнуть государственное устройство новаго княжества именно на *конституціонныхъ* началахъ, тѣмъ самымъ молчаливо признавая ихъ превосходство для устроенія страны. Но въ такомъ случаѣ естественно рождалась мысль, почему же парламентарныхъ учрежденій не имѣется у насъ? Практическія стремленія къ осуществленію конституціи могли сдерживаться страхомъ передъ *силой* правительства. Но и въ этомъ отношеніи престижъ правительства былъ замѣтно подорванъ Берлинскимъ конгрессомъ. Обаяніе силы чрезвычайно уменьшилось, что и почувствовалось

немедленно въ быстромъ развитіи самыхъ дерзкихъ революціонныхъ попытокъ.

Эти революцінныя попытки были возможны только потому, что горячія головы считали правительство совершенно безсильнымъ, себя же, основываясь на настроеніи «либераловъ», представляли застрѣльщиками *общаго* революціоннаго движенія. Во всемъ этомъ они жестоко обочлись. Однако, не вызвавъ общаго движенія, обостреніе яростныхъ революціонныхъ попытокъ не осталось безъ вліянія на болѣе активное проявленіе *конституціоннаго движенія.*

Литература вопроса не даетъ еще возможности ясно представить себѣ общую картину этого движенія, руководители котораго дѣйствовали съ понятною тайной. Ихъ дѣятельность осталась и понынѣ окруженною этою таинственностью несравненно болѣе, чѣмъ революціонные заговоры, много разъ разоблаченные политическими процессами, тогда какъ дѣятельность «мирная» ни разу до суда не доводилась. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что въ личномъ составѣ, какъ и въ идейномъ отношеніи, между чисто революціоннымъ и конституціоннымъ движеніями

нельзя провести рѣзкой границы *). Многіе изъ террористовъ были и заявляли себя чистыми конституціоналистами, многіе изъ либераловъ были и заявляли себя соціалистами. Замѣтная разница обоихъ слоевъ обозначается лишь при подведеніи ихъ идеямъ *среднихъ* выводовъ, а затѣмъ по преимуществу сводится къ *способамъ дѣйствія*, причемъ способы дѣйствій обоихъ движеній не исключали *практически* одинъ другаго, но дополняли другъ друга. Для революціонеровъ конституціонное движеніе служило постояннымъ нравственнымъ ободреніемъ, укрѣпляя ихъ въ мысли, что они составляютъ только *передовой отрядъ*; сверхъ того, и ряды ихъ пополнялись не столько благодаря собственной пропагандѣ, сколько наиболѣе горячими головами, выработанными пропагандой либеральною. Активнымъ же конституціоналистамъ обостренное революціонное движеніе давало почву и поводъ выдвинуть ограниченіе самодержавія какъ средство умиротворенія страны и даже, будто бы, какъ способъ защиты личности Монарха.

*) Идейное отношеніе нашего либерализма къ революціи я раньше подробно разсматривалъ въ брошюрѣ *Начала и Концы*. Москва, 1890 г. Унив. тип.

II.

Извѣстный Д. Кеннанъ, который во время путешествія по Сибири лично познакомился со многими участниками обоихъ движеній, а по своему сочувствію имъ и дружескимъ отношеніямъ, очень хорошо и откровенно освѣдомленный ими, довольно подробно описываетъ начало активнаго конституціоннаго движенія. (*The Century illustr. Monthly Magazine*, *Novembr* 1887). Не нужно при этомъ забывать, что Кеннанъ является постоянно *адвокатомъ* «освободительнаго движенія» и всегда старается выставить какъ революціонеровъ, такъ и конституціоналистовъ съ возможно лучшей стороны, обвиняя во всемъ только правительство и «реакціонеровъ».

Итакъ, говоритъ онъ, въ первое время революціоннаго движенія, до 1878 года, «русскіе либералы, не принадлежавшіе къ революціонерамъ, употребляли, съ одной стороны,

2

всѣ усилія, чтобъ отвратить послѣднихъ отъ насилій, а съ другой — чтобы помогать имъ укрывательствомъ или помощью при судебныхъ процессахъ». Эта двойственная роль не приводила, однако, ни къ чему. Наконецъ, въ 1878 году революціонная партія приняла политику террора. «Либералы, предвидя, что такая политика рано или поздно приведетъ непремѣнно къ цареубійству и сознавая, что послѣдующая за такимъ преступленіемъ реакція можетъ быть не только ужасною, но и *роковою для дѣла свободы*, рѣшились сдѣлать новое усиліе, чтобы добиться отъ правительства обѣщанія вернуться на путь либеральныхъ принциповъ 1861—66 годовъ». Но для этого требовалось хотя на нѣкоторое время остановить угрозы и насилія революціонеровъ, раздражавшихъ и тревожившихъ правительство. «Вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ выдающихся черниговскихъ и харьковскихъ либераловъ, въ томъ числѣ профессоръ Гордѣенко (городской голова Харькова) и г. Петрункевичъ (предсѣдатель мироваго съѣзда и гласный Черниговскаго земства) рѣшились *вступить въ сношенія съ террористами*, указать имъ скользкость пути, на который они вступили, и бѣдствія, могущія послѣдовать для

Россіи отъ ихъ отчаянной и необдуманной политики убійствъ, и узнать отъ нихъ, *на какихъ условіяхъ согласятся они прекратить свои насильственныя дѣйствія.* Преслѣдуя такую цѣль, «либеральный комитетъ», составленный изъ представителей многихъ земствъ центральной южной Россіи, предпринялъ нѣсколько поѣздокъ въ разныя части Имперіи и имѣлъ личные переговоры со многими вожаками крайней революціонной партіи».

Не забудемъ что это разсказываетъ *адвокатъ* «дѣла свободы», старающійся выставить своихъ кліентовъ въ самомъ лучшемъ видѣ передъ общественнымъ мнѣніемъ Америки и Европы. Въ 1883 г. въ Женевскомъ журналѣ «Общее Дѣло» (№ 54) опубликованы весьма важные документы, изъ которыхъ видно, что существованіе «Земскаго Союза» (или точнѣе—сообщества, давшаго начало ему) «извѣстно полиціи съ 1878 г.». «Въ концѣ 70 годовъ, какъ объясняютъ эти документы, нѣсколько человѣкъ земскихъ дѣятелей различныхъ губерній, задумали установить нѣкоторую солидарность между дѣятельностью отдѣльныхъ земствъ, съ какою цѣлью они учредили небольшіе съѣзды наиболѣе выдающихся земцевъ, встрѣчавшихся каждую осень въ Москвѣ,

Кіевѣ или Харьковѣ». Въ концѣ декабря 1878 года съѣздъ собрался въ Кіевѣ, и тутъ-то произошла исторія, описываемая Кеннаномъ. По документамъ «Общаго Дѣла», на съѣздѣ «въ качествѣ делегатовъ отъ южно-русскихъ *соціально-революціонныхъ партій* были приглашены нѣкоторые изъ наиболѣе закоснѣлыхъ украинофиловъ». Итакъ, делегаты чистыхъ революціонеровъ были даже *на съѣздѣ*. При томъ нельзя не вспомнить, что въ то время «террористы» существовали только въ Кіевѣ, и тамъ же возникъ «исполнительный комитетъ соціально-революціонной партіи». Земцамъ не нужно было, стало-быть, далеко ходить за террористами. Какъ бы то ни было, въ 1878 году образовался «либеральный комитетъ» и вступилъ въ переговоры съ революціонерами. «Комитетъ, говоритъ Кеннанъ, обратился къ нимъ со слѣдующими словами: Мы думаемъ достигнуть реформъ мирнымъ и легальнымъ путемъ. Мы нарочно пріѣхали къ вамъ просить пріостановить на время вашу дѣятельность и предоставить намъ возможность дѣйствовать». Если это не удастся,— «тогда дѣйствуйте на вашъ собственный страхъ, мы будемъ и тогда не одобрять вашу насильственную дѣятельность, *но потеряемъ*

право возставать противъ нея; дайте намъ сначала безъ помѣхи испытать наши средства».

Террористы отвѣчали, что они согласны прекратить свою дѣятельность на такихъ условіяхъ: 1) устраненіе стѣсненій свободы слова и печати; 2) обезпеченіе правъ личности; 3) призваніе тѣмъ или инымъ способомъ населенія къ участію въ управленіи. «Вотъ тѣ требованія, по словамъ террористовъ, за которыя они борятся».

«Либеральный комитетъ», продолжаетъ Кеннанъ, согласился съ основательностью требованій террористовъ. Затѣмъ «члены либеральнаго комитета возвратились въ свои мѣстности и открыли совѣщанія со своими единомышленниками о способахъ привести въ исполненіе свой планъ». Рѣшено было начать подачу Государю одновременныхъ петицій отъ земствъ съ указаніемъ на бѣдственное положеніе населенія и съ просьбой о введеніи конституціонной формы правленія». Какъ мы видѣли раньше, «либеральный комитетъ» призналъ, что въ случаѣ неисполненія этой просьбы правительствомъ, либералы потеряютъ право возставать противъ террористической дѣятельности. Такимъ образомъ,—

въ лицѣ комитета вожаки тогдашнихъ конституціоналистовъ признали что террористическая дѣятельность» должна вызывать противодѣйствіе гражданъ только въ конституціонной странѣ. Я останавливаюсь на этихъ характеристическихъ понятіяхъ конституціонализма той эпохи, потому что они бросаютъ свѣтъ на содержаніе послѣдовавшихъ за совѣщаніями «земскихъ» петицій.

Оставимъ теперь разсказъ Кеннана и вспомнимъ реальное положеніе либеральныхъ вожаковъ въ ихъ земствахъ. Несмотря на то, что въ земствахъ всѣ должностныя роли были естественно захвачены по-преимуществу либеральными элементами, во всѣхъ отношеніяхъ интересовавшимися ими болѣе нежели элементы консервативные, тѣмъ не менѣе, все-таки масса населенія губерній, въ лицѣ всѣхъ своихъ сословій, ни мало не была либеральною. Не говоря уже о крестьянахъ, въ дворянствѣ, въ промышленныхъ сословіяхъ,—прямая мысль объ ограниченіи самодержавія могла встрѣтить только противодѣйствіе. Съ этимъ монархическимъ настроеніемъ «избирателей» нельзя было не считаться. Поэтому исполненіе плана, установленнаго либеральнымъ комитетомъ, было очень щекотливо и потребо-

вало множество экивоковъ, всяческихъ стороннихъ подходовъ къ «земству», отъ имени котораго предстояло подавать «петиціи». Не всегда и не вездѣ эти подходы были одинаково удачны. Иногда приходилось довольствоваться самыми темными намеками на конституцію. Иногда, несомнѣнно, земцы подписывались, не только не сознавая, что̀ дѣлаютъ, но полные самой горячей преданности Государю. Въ этомъ отношеніи террористы въ высшей степени облегчили задачу либеральныхъ агитаторовъ, давая имъ возможность призывать земцевъ къ конституціи подъ предлогомъ защиты Государя.

Но какимъ же образомъ «террористы» не прекратили своей «дѣятельности»? Это объясняется Кеннаномъ тѣмъ, что петиціи, поданныя земцами, были встрѣчены очень сурово, что правительство задушило конституціонную агитацію, и главные вожаки ея были сосланы. Объясненій этихъ нельзя принять уже потому, что *ни на одну секунду съ 1878 года по 1881 годъ террористы своей «дѣятельности» не останавливали*, никакихъ результатовъ дѣйствій «либеральнаго комитета» *не ожидали ни одного дня.* «Дѣятельность» террористовъ шла своимъ путемъ, не останав-

ливаясь, а дѣятельность конституціоналистовъ шла своимъ путемъ, одна другой не ожидая и не задерживая. Точно также и высылками нѣкорыхъ либеральныхъ агитаторовъ, о чемъ упоминаетъ Кеннанъ, дѣятельность ихъ единомышленниковъ ни мало не была прекращена, и агитація въ пользу конституціонныхъ петицій шла безъ перерыва не только до 1881 года, но и послѣ него, а въ 1882 году, какъ ниже будетъ сказано, мы видимъ даже нѣкоторый «земскій союзъ», издающій за границей свой органъ, *Вольное Слово*. Что касается самыхъ петицій, по исторіи ихъ есть источникъ болѣе документальный, чѣмъ разсказы Кеннана. Это именно берлинская книжка *Мнѣнія земскихъ собраній о современномъ положеніи Россіи* (Berlin, B. Behr's Verlag, 1883). Какъ сказано въ ея предисловіи, очеркъ былъ первоначально напечатанъ въ сентябрьской книжкѣ *Русской Мысли* за 1882 годъ, но не былъ пропущенъ цензурой; въ отдѣльномъ изданіи онъ лишь нѣсколько дополненъ. Итакъ, редакція *Русской Мысли* служитъ намъ порукой за точность сообщаемыхъ брошюрой свѣдѣній.

III.

Во весь періодъ 1856 — 81 годовъ господствующимъ умственнымъ направленіемъ былъ либерализмъ. Онъ издавна принесъ къ намъ *вѣру въ революцію* какъ нѣкоторый *законъ* развитія народовъ. Эти остатки наивныхъ историческихъ концепцій Европы XVIII вѣка особенно прививаются у насъ въ сороковыхъ годахъ, въ шестидесятыхъ годахъ вѣра въ революцію, какъ нѣчто неизбѣжное, доходитъ до фанатизма. Внизу, въ средѣ наиболѣе горячихъ головъ, она пораждаетъ рѣшимость *начинать*. Силы такъ-называемыхъ террористовъ 70-хъ годовъ были ничтожны, но слѣпо вѣря въ мистическую неизбѣжность революціи, они рѣшились употребить всѣ усилія на то, чтобы, рискуя и жертвуя всѣмъ, вызвать общее движеніе. Еще во время Нечаевскаго процесса прочитана была на судѣ любопытная записка, въ которой излагалось, что ре-

волюція есть огромная *потенціальная* сила, которую можно вызвать приложеніемъ даже и небольшой *активной силы*, подобно тому какъ зажженая спичка, брошенная въ пороховой погребъ, можетъ взорвать цѣлую крѣпость. Нѣсколько лѣтъ позднѣе появились даже искатели бунтовъ, «вспышкопускатели», старавшіеся найти куда именно нужно приложить горящую спичку своихъ силъ, чтобы, наконецъ, вызвать взрывъ «потенціальной» революціи. Въ 1878 году стали для этого на путь *терроризма*.

Та же вѣра въ революцію, совершенно отвлеченная ото всякихъ условій дѣйствительности, заносилась либералами и въ правящія сферы, выражаясь въ нихъ самою крайнею преувеличенностью опасеній ея. Въ дѣйствительности, никакой революціи у насъ не было, то-есть, *не было въ странѣ*. Всѣ большіе соціальные слои лежали твердо, а надъ ними столь же твердо высилась Самодержавная власть. Въ опасномъ состояніи соціальной непрочности былъ лишь небольшой средній слой образованнаго класса, откуда выходили ничтожными прослойками конституціоналисты и фанатическіе революціонеры.

Въ 1878 году революціонеры начали рядъ вооруженныхъ сопротивленій и политическихъ убійствъ. Это, конечно, требовало немедленныхъ мѣръ подавленія. Но какихъ? Если правительство имѣетъ предъ собою бунтующее *населеніе*, тогда понятны и цѣлесообразны чрезвычайныя мѣры и призывъ къ содѣйствію всѣхъ благоразумныхъ элементовъ. Чрезвычайныя мѣры стѣсняютъ дѣйствіе массъ и производятъ на нихъ устрашающее впечатлѣніе. Призывъ къ содѣйствію отчасти ободряетъ тѣхъ, кто остался вѣренъ власти, отчасти самъ по себѣ дѣйствуетъ устрашающе на бунтующихъ. Въ нашемъ положеніи не было ничего что̀ дѣлало бы цѣлесообразною такую систему водворенія порядка. У насъ бунтовали не цѣлые слои, а отдѣльныя личности, поэтому надобности стѣснять населеніе не было. Устращать же можно только цѣлые слои *среднихъ* людей, а никакъ не фанатиковъ. Чрезвычайныя мѣры были, поэтому, совершенно безполезны, являлись даже вредною *рекламой* революціи, объявляя оффиціально о существованіи *большой* опасности, то-есть дѣлали то самое, что̀ старались сдѣлать сами революціонеры. Терроризмъ и былъ именно системой самой отчаянной революці-

онной рекламы, при которой ставилось все на карту, лишь бы только распубликовать себя какъ грозную *силу*, въ надеждѣ, что все *среднее*, колеблющееся, пристанетъ туда, гдѣ ему покажется *сила*. Въ такихъ условіяхъ прямой разсчетъ власти былъ, наоборотъ, въ томъ, чтобы никакъ не раздувать значенія бунтовскихъ попытокъ, но, имѣя въ виду ничтожную численность крамолы и ея строго заговорщицкіе способы дѣйствія, выставить противъ нея *умную и сильную полицію*. Хорошій надзоръ и безусловное устраненіе отъ дѣйствія всѣхъ активныхъ революціонеровъ: ничего больше не требовалось для того, чтобы въ годъ или два уничтожить террористическое движеніе. Но мѣры власти пошли въ совершенно иномъ направленіи, внося въ населеніе безпокойство, совершенно безполезно стѣсняя его, и, наконецъ, давая людямъ неблагонамѣреннымъ поводъ возбуждать агитацію. А между тѣмъ полиція пребывала въ настолько неудовлетворительномъ состояніи, что даже сама попадала въ руки революціонеровъ, какъ это особенно стало извѣстнымъ изъ дѣла чиновника III Отдѣленія Клѣточникова, передававшаго своимъ революціоннымъ сообщникамъ всѣ тайны государственной по-

лиціи. Вообще дѣло борьбы поставлено было на путь совершенно ошибочный, не соотвѣтствовавшій дѣйствительному характеру обнаружившагося зла.

Въ объясненіе ошибки власти должно, однако, вспомнить, что въ 1878 году революціонное движеніе проявило себя такъ отчаянно, какъ будто у него были въ запасѣ цѣлыя арміи. 24 января 1878 года эру политическихъ убійствъ начала Вѣра Засуличъ выстрѣломъ въ генерала Трепова. 1 февраля убитъ въ Ростовѣ-на-Дону полицейскій агентъ Никоновъ. 23 февраля въ Кіевѣ Осинскій съ товарищами покушались на жизнь товарища прокурора Котляревскаго. 25 мая въ Кіевѣ убитъ жандармскій капитанъ Гейкингъ. 4 августа въ Петербургѣ убитъ шефъ жандармовъ генералъ Мезенцевъ. Въ то же время оказанъ былъ рядъ вооруженныхъ сопротивленій полиціи, изъ коихъ защита квартиры Ковальскаго 3 января въ Одессѣ имѣла видъ маленькаго сраженія. Сопротивлялись съ оружіемъ въ рукахъ Избицкіе въ Кіевѣ (28 марта), Колѣнкина и Малиновская въ Петербургѣ (14 октября), Чубаровъ въ Одессѣ, Дубровинъ въ Старой Русѣ, Сентянинъ въ Харьковѣ... Революціонныя прокламаціи призывали къ воз-

станію. Сверхъ того, въ разныхъ мѣстахъ былъ рядъ уличныхъ демонстрацій. Либеральные элементы общества неоднократно участвовали въ нихъ, а оправданіе Вѣры Засуличъ, при рукоплесканіяхъ публики, само по себѣ составляло демонстрацію, которая, по агитирующему значенію, превышала всякія выходки революціонеровъ.

IV.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ Императоръ Александръ II счелъ нужнымъ сдѣлать русскому обществу указанія на необходимость противодѣйствовать злу. 20 ноября 1878 года онъ обратился въ Москвѣ къ представителямъ сословій со слѣдующими словами:

«Я надѣюсь на ваше содѣйствіе», сказалъ Государь,—«чтобъ остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонамѣренные стараются ее завлечь. Да поможетъ Намъ въ этомъ Богъ, и да даруетъ Онъ Намъ утѣшеніе видѣть дорогое наше отечество постепенно развивающееся мирнымъ и законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое вамъ, какъ и Мнѣ».

Къ содѣйствію же общества призывало еще раньше и правительственное сообщеніе въ

№ 168 *Правительственнаго Вѣстника* 1878 года.

Безъ сомнѣнія, Государь Императоръ, говоря о содѣйствіи общества, разумѣлъ содѣйствіе чисто нравственное. Но нельзя не сознаться, что въ такія минуты, въ Самодержавной монархіи, скорѣе само общество ждетъ нравственнаго ободренія со стороны власти. Когда власть, имѣющая всю безграничность полномочій, ищетъ содѣйствія общества, люди неблагонамѣренные легко могутъ истолковать это въ самомъ превратномъ смыслѣ. Такъ и случилось. Обращеніе правительства къ содѣйствію общества послужило «либеральному комитету» поводомъ къ конституціонной агитаціи. Появленіе же ея, въ свою очередь, еще болѣе утвердило правительство въ ошибочной системѣ борьбы, имъ усвоенной. Въ этомъ отношеніи на организаторахъ конституціонной агитаціи лежитъ очень серіозная нравственная отвѣтственность за пережитое Россіей смутное время.

Въ Черниговскомъ земствѣ (гдѣ дѣйствовалъ г. Петрункевичъ) земскою коммиссіей былъ проектированъ отвѣтный адресъ такого содержанія *):

---

*) „Мнѣнія земскихъ собраній“.

«Въ № 186 *Правительственнаго Вѣстника* за 1878 годъ напечатано правительственное сообщеніе, приглашающее всѣхъ гражданъ и всѣ сословія Россіи помочь правительству въ дѣлѣ борьбы противъ возмутительныхъ злодѣяній, имѣвшихъ мѣсто въ недавнее время. *Правительство признаетъ что только помощь Русскаго народа дастъ ему силу способную уничтожить зло.* Такой призывъ не можетъ не найти отвѣта среди земства Черниговской губерніи».

Далѣе докладъ распространяется о «глубокихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ къ Государю», и читаетъ правительству нотаціи, блещущія всею глубиной первокурснаго либерализма. «Думать, что идеи, а въ томъ числѣ и анархизмъ, можно остановить мѣрами строгости», поучаютъ гг. Петрункевичъ съ К°, «значитъ игнорировать исторію развитія и распространенія идей». «Положеніе русскаго общества, по нашему глубокому убѣжденію, представляетъ въ настоящую минуту всѣ условія для процвѣтанія идей, противныхъ государственному строю». Эти условія, порождающія анархическія идеи, состоятъ якобы главнымъ образомъ въ трехъ пунктахъ: 1) организація среднихъ и высшихъ учебныхъ

заведеній; 2) отсутствіе свободы слова и печати; 3) отсутствіе среди русскаго общества чувства законности. Раскритиковавъ эти условія, создаваемыя самимъ правительствомъ, докладъ заключаетъ: «Не имѣя гарантіи въ законѣ, не имѣя общественнаго мнѣнія, лишенное свободы критики возникающихъ среди его идей русское общество представляетъ разобщенную инертную массу, способную поглощать все, но неспособную къ борьбѣ. Земство Черниговской губерніи съ невыразимымъ огорченіемъ *констатируетъ свое полное безсиліе принять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ* и считаетъ своимъ гражданскимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства».

Другими словами, это былъ отказъ въ помощи, съ указаніемъ на нѣкоторыя *условія*, при принятіи которыхъ правительствомъ земство только и согласится ему помочь.

Тверское заявленіе *), появившееся въ 1879 году, еще болѣе ясно. Упомянувъ о словахъ Государя Императора, гг. либеральные гласные продолжаютъ: «Новое преступленіе въ Харьковѣ, убійство князя Крапоткина, обя-

*) „Мнѣнія земскихъ собраній“.

зываетъ земство Тверской губерніи возстать, согласно призыву Монарха, на борьбу съ постоянно возрастающимъ зломъ». Затѣмъ, излагая, понятно, тѣ же самыя жалобы, что и черниговскіе наслѣдники «либеральнаго комитета», Тверитяне заключаютъ: «Государь Императоръ, въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига Болгарскаго народа, призналъ необходимымъ даровать ему *истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда, свободу печати. Земство Тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что Русскій народъ*, съ такою полною готовностію, съ такою беззавѣтною любовію къ своему Царю-Освободителю несшій всѣ тяжести войны, *воспользуется тѣми же благами*, которыя одни могутъ дать ему возможность выдти, по слову Государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія».

Здѣсь, стало-быть, уже прямо заявляется, что къ борьбѣ съ терроризмомъ общество приступитъ лишь когда получитъ конституцію.

У меня не сохранилось выписокъ изъ Харьковской петиціи. По свидѣтельству Кеннана, «первая поданная петиція принадлежала Харьковскому земству, которое, сумѣвъ ранѣе дру-

гихъ придти къ соглашенію, стало, поэтому, во главѣ. «Хотя адресъ этотъ, говоритъ Кеннанъ, и не представлялъ желательной ясности въ формулировкѣ, онъ тѣмъ не менѣе произвелъ сильное впечатлѣніе». Немудрено, разумѣется. Когда на призывъ правительства, по поводу системы *убійствъ*, люди *общества* отвѣчаютъ выторговываніемъ себѣ конституціи, немудрено было придти въ изумленіе и спросить себя, что же это, однако, дѣлается въ Россіи? У насъ тогда еще плохо знали какъ легко горсть политикановъ способна фальсифировать якобы «общественное» мнѣніе цѣлой страны.

Впрочемъ, должно замѣтить, что возбужденіе агитаціи было все-таки дѣломъ нелегкимъ, такъ что большихъ размѣровъ она, до самаго появленія графа Лорисъ - Меликова, принять не могла. Вышеприведенный проектъ Черниговскаго адреса окончательнаго хода не получилъ, оставшись лишь въ области либеральныхъ мечтаній. Онъ былъ, впрочемъ, и составленъ на *частномъ* засѣданіи, подавъ лишь поводъ къ публичному скандалу *).

---

*) Дальнѣйшія подробности по Кеннану.

Г. Петрункевичъ, получившій порученіе провести затѣмъ адресъ на земскомъ собраніи, предварительно навелъ справки, допуститъ-ли предсѣдатель его чтеніе? Предсѣдатель отвѣчалъ категорически, что не допуститъ. Г. Петрункевичъ столь же категорически отвѣтилъ, что онъ не послушаетъ предсѣдателя. Но вмѣсто того, чтобы сразу арестовать человѣка, явно заявляющаго намѣреніе подбивать земство отвѣчать на призывъ власти подобною дерзостью — администрація почему-то предпочла введеніе *жандармовъ* въ залу земскаго собранія. Послѣдовала, разумѣется, «бурная сцена». Присутствіе жандармовъ не могло не казаться обиднымъ для всѣхъ. Въ залѣ происходила какая-то комедія съ заранѣе извѣстными ролями. Г. Петрункевичъ требуетъ чтенія адреса. Г. предсѣдатель не позволяетъ. Г. Петрункевичъ разыгрываетъ изъ себя Мирабо и пытается нарушить запрещеніе. Тогда г. предсѣдатель закрываетъ собраніе, и зала очищается отъ публики жандармами. Въ результатѣ г. Петрункевичъ высылается административно, но политическій скандалъ былъ сдѣланъ, какъ по писанному. Что касается самаго «адреса», онъ, по разсказу Кеннана, былъ въ копіяхъ разосланъ

по всѣмъ земствамъ для возбужденія, гдѣ возможно, дальнѣйшей агитаціи.

Эти разсчеты оказались до времени ошибочными. Агитація, не выразившись въ томъ рядѣ протестовъ, на которые разсчитывалъ «либеральный комитетъ», получила лишь то значеніе, что, съ одной стороны, утверждала террористовъ въ ихъ взглядѣ на себя какъ на передовой отрядъ революціи, а съ другой — пугала правительство призракомъ нѣкотораго общаго, широкаго движенія. Такъ прошелъ 1879 годъ, весь полный самыхъ дерзкихъ покушеній уже противъ жизни самого Государя. Со стороны власти, вмѣсто призыва къ содѣйствію, выдвигаются генералъ-губернаторы, чрезвычайныя полномочія и репрессивныя мѣры. Но когда власть предполагаетъ передъ собой дѣйствительно революціонное движеніе самой *страны*, то отъ широкой репрессіи до *уступокъ* только одинъ шагъ, и этотъ шагъ былъ сдѣланъ съ призывомъ графа Лорисъ-Меликова. Тутъ конституціонныя стремленія получаютъ опору, о которой до тѣхъ поръ не могли и мечтать.

V.

Собственно говоря, съ призывомъ графа Лорисъ-Меликова, въ февралѣ 1880 года, первоначально вовсе не соединялось стремленіе къ какимъ-либо уступкамъ. Предполагалось, напротивъ, лишь создать новый чрезвычайный органъ для подавленія террористическаго движенія. Въ Высочайшемъ указѣ совершенно ясно выражена единственная цѣль Верховной коммиссіи—«положить предѣлъ безпрерывно повторяющимся въ послѣднее время покушеніямъ дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ». Порученіе такой миссіи именно М. Т. Лорисъ-Меликову объясняется репутаціей генерала, какъ энергическаго и умнаго администратора. Назначеніе генерала Лорисъ-Меликова привѣтствовалъ даже М. Н. Катковъ, бывшій, какъ извѣстно, противъ всякихъ поблажекъ и уступокъ. Онъ прямо ука-

зывалъ, что Верховная коммиссія «въ сущности есть не что иное, какъ высшее полицейское учрежденіе, имѣющее своею ближайшею цѣлію преслѣдованіе и искорененіе крамолы». Необходимость такого учрежденія Катковъ объяснялъ тѣмъ, что у насъ полиція «до сихъ поръ не была сосредоточена въ одной рукѣ и не имѣетъ общей самостоятельной организаціи». Современные читатели, вѣроятно, уже и не представляютъ себѣ, что эпоха реформъ, перестроившая всю Россію, только одну полицію оставила въ самомъ первобытномъ состояніи раздробленности не только между различными начальствами, но и между различными вѣдомствами, не всегда даже находившимися въ добромъ между собою согласіи.

Итакъ, Верховная коммиссія имѣла своею задачей собственно и прежде всего цѣли полицейскія, въ отношеніи которыхъ она и не осталась безплодною, ибо съ этого момента дѣйствительно ведетъ начало преобразованіе полиціи на обще-европейскихъ основаніяхъ. Но графъ Лорисъ-Меликовъ далъ своей миссіи совершенно иное значеніе и, поставленный во главѣ правительства, воспользовался этимъ

для того чтобы совершенно измѣнить характеръ внутренней политики.

Вышло это совершенно естественно. Убѣжденія графа Лорисъ-Меликова достаточно извѣстны. При многихъ талантахъ, энергіи и особенно большой хитрости, генералъ ничуть не обладалъ тѣмъ государственнымъ умомъ, который, ставя общественнаго дѣятеля въ нравственную связь съ глубокими родниками исторической жизни, дѣлаетъ его независимымъ отъ поверхностныхъ теченій мелкой «популярности». Въ идейномъ отношеніи это былъ средній образованный человѣкъ своего времени, либералъ и умѣренный конституціоналистъ. Такой же мелкій средній либералъ, А. И. Кошелевъ, хорошо его знавшій, постоянно характеризуетъ его какъ своего единомышленника. Самое знакомство ихъ въ этомъ отношеніи характеристично.

Въ 1875 году Кошелевъ пилъ воды въ Эмсѣ. «Выпивши стаканъ Кесселя», разсказываетъ онъ *, «я прогуливался. Подходитъ ко мнѣ незнакомый Русскій, называетъ себя и говоритъ:

*) *Записки А. И. Кошелева.* Берлинъ. 1884 г., изданіе г-жи Кошелевой.

«Я прочелъ вашу книжку *Наше положеніе*, вполнѣ сочувствую вашимъ взглядамъ и желаніямъ и непремѣнно пожелалъ съ вами познакомиться».

Это и былъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Они съ Кошелевымъ быстро подружились, вмѣстѣ гуляли, вмѣстѣ обѣдали, и такъ прожили цѣлыя три недѣли. Кошелевъ читалъ генералу свою готовившуюся брошюру «Общая земская дума». «Бесѣды были столь же интересны сколько дружественны», и Лорисъ-Меликовъ, по аттестаціи своего пріятеля, смотрѣлъ на вещи, «какъ человѣкъ современно развитый».

Извѣстно, что̀ понимаетъ А. И. Кошелевъ подъ словомъ «современно развитый». Никогда въ жизни онъ не понималъ ни одного крупнаго человѣка, будь это М. Н. Катковъ, или Н. Милютинъ, или князь Черкасскій. Даже и И. С. Аксакова онъ крайне порицаетъ за «нападки на правовой порядокъ», себя же совершенно ясно причисляетъ къ *либераламъ*. «Всѣ мы, разныхъ сортовъ либералы», говоритъ онъ, «до крайности недовольны», и, съ ненавистью браня Каткова, поясняетъ, что «либералы проповѣдуютъ въ томъ или иномъ видѣ предоставленіе народу, то есть всѣмъ

гражданамъ Имперіи, участія въ законодательствѣ и администраціи» (стр. 262).

Такимъ же «современно развитымъ» человѣкомъ былъ и эмскій пріятель А. И. Кошелева. Въ различныхъ замѣткахъ своихъ гр. Лорисъ-Меликовъ прямо называетъ «наше бѣдное отечество» «абсолютно деспотическимъ государствомъ», вздыхаетъ о «счастливомъ будущемъ», а политику съ 1881 года, послѣ его отставки, негодующе опредѣляетъ какъ «тяжелую эпоху самодурства правительства и холопства подданныхъ» *). Впрочемъ, крайнее либеральничанье М. Т. Лорисъ-Меликова было давно общеизвѣстно.

---

*) *Конституція гр. Лорисъ-Меликова.* Лондонъ, 1893 г. Неизвѣстный авторъ, большой либералъ, цитируетъ много любопытныхъ документовъ, въ копіяхъ оставленныхъ графомъ Лорисъ-Меликовымъ.

VI.

Совершенно сообразно «современно развитому» состоянію своихъ политическихъ понятій, графъ Лорисъ-Меликовъ не постѣснился по-своему употребить дарованныя ему Государемъ полномочія. Немедленно по своемъ назначеніи онъ издалъ прокламацію, въ которой заявлялъ: «На *поддержку общества* смотрю какъ на *главную силу*, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни». То же самое онъ повторялъ всѣмъ направо и налѣво. Положеніе Россіи онъ понималъ въ такомъ смыслѣ, что власть находится въ разобщеніи со страной, отчего происходятъ всѣ неурядицы, а также и террористическое движеніе. Кошелевъ, немедленно отправившійся къ «диктатору сердца» въ Петербургъ, свидѣтельствуетъ что онъ «пребывалъ въ тѣхъ же убѣжденіяхъ какъ и прежде». Лорисъ-Меликовъ дѣйстви-

тельно сказалъ ему прямо, что «главныя надежды возлагаетъ на *сближеніе власти* съ населеніемъ (?!), на *непосредственное* узнаніе отъ него общихъ нуждъ и на его содѣйствіе усиліямъ правительства»,—точка зрѣнія чисто «современно развитаго» либерала, не заключающая ни искры пониманія смысла самодержавнаго строя и дѣйствительнаго положенія Россіи. Терроризмъ тутъ оказывается послѣдствіемъ якобы разобщенія власти съ народомъ. Для подавленія терроризма нужно *сблизить* власть съ населеніемъ *непосредственно*. А *непосредственность* графъ Лорисъ-Меликовъ видѣлъ именно въ томъ, что совершенно отрѣзываетъ Государя отъ народа, ставя между ними посредничество такъ-называемаго «представительства».

Понятно, какой восторгъ возбудило во всѣхъ конституціоналистахъ присутствіе ихъ человѣка на самомъ верху власти. Онъ выражалъ тѣ же идеи и стремленія, какъ и они, также находившіе разницу между собою и террористами лишь въ способахъ дѣйствія. Архилиберальнѣйшая газета *Порядокъ*, основанная тогда г. Стасюлевичемъ, редакторомъ *Вѣстника Европы*, прямо объясняетъ эту точку зрѣнія въ полемикѣ противъ Каткова. Кат-

ковъ обвинялъ либераловъ въ солидарности съ террористами. «Чтó бы сказали *Московскія Вѣдомости*», возражаетъ *Порядокъ*, «при встрѣчѣ съ *двумя голодными*, изъ которыхъ одинъ, подъ вліяніемъ голода, совершаетъ грабежъ, а другой только умоляетъ о пищѣ?» Можно ли «каждаго, ктó только заговорилъ бы о необходимости питанія приравнивать къ преступникамъ, покушающимся на чужую собственность? Такое отношеніе было бы по меньшей мѣрѣ нелогичнымъ и привело бы только къ тому, что *число голодающихъ и покушающихся на преступленія все болѣе увеличивалось бы*».

Не нужно забывать, что программа террористовъ (такъ-называемой *Народной Воли*), точно также ставила цѣлью «политическій переворотъ съ цѣлью передачи власти народу» и собственно отъ правительства террористы требовали именно «созыва учредительнаго собранія», какъ сказано въ программѣ», или «созыва представителей отъ всего Русскаго народа», какъ сказано въ ихъ прокламаціи *).

---

*) См. *Календарь Народной Воли.*

«И тѣ и другіе», совершенно основательно замѣчалъ Катковъ, «стало быть хотятъ *одного*, но одни чинятъ динамитные взрывы, а другіе въ тѣхъ же самыхъ видахъ протягиваютъ руку за благостыней... И тѣ и другіе мучимы голодомъ и нуждаются въ хлѣбѣ, а хлѣбъ этотъ есть *правовой порядокъ*, иначе конституція, и этого насущнаго хлѣба требуетъ де Русскій народъ...» *).

Графъ Лорисъ-Меликовъ, въ своихъ понятіяхъ о подавленіи крамолы, такъ и смотрѣлъ, что нужно удовлетворить «голодъ» скромно просящихъ «пищи», и тогда число выходящихъ «на грабежъ» уменьшится, или даже они совсѣмъ исчезнутъ. Какъ «либеральный комитетъ», какъ всѣ конституціоналисты, онъ смѣшивалъ *политиканствующую интеллигенцію* съ *населеніемъ*. Недовольство политиканствующей интеллигенціи онъ отождествлялъ съ недовольствомъ «населенія». Сближеніе правительства съ политиканствующею интеллигенціей онъ представлялъ сближеніемъ съ населеніемъ. Точка зрѣнія столь же ошибочная, сколько, при нашихъ условіяхъ, гибельная.

*) *Моск. Вѣд.* 1881 г., № 104.

Она на всѣхъ пунктахъ діаметрально противоположна идеѣ Самодержавія. То, что̀ конституціонализмъ называетъ «непосредственнымъ» общеніемъ Царя съ народомъ, есть именно замѣна «непосредственнаго» общенія—*посредственнымъ*. Вмѣсто общенія съ народомъ, Верховная Власть обрекается на общеніе с его якобы «представителями», то-есть съ тѣмъ слоемъ политикановъ, который неизбѣжно специализируется на функціи «представительства». Волю и желанія этого слоя Верховная Власть обрекается принимать за волю и желанія «населенія». Разъ допущена такая подмѣна, дальнѣйшее паденіе Самодержавія можетъ уже быть высчитано съ математическою точностью. Разъ интеллигенція, вмѣсто роли *служилаго* класса при Государѣ, захватила бы роль представительства якобы народной воли—дѣло монархіи и народа было бы кончено. Государь можетъ держать въ рукахъ своихъ «служилыхъ» и не допускать ихъ до чрезмѣрныхъ захватовъ. Но народъ не имѣетъ никакихъ способовъ, какъ мы видимъ это на примѣрѣ всей конституціонной Европы, держать въ своихъ рукахъ выбранныхъ имъ представителей, и всегда дѣлается игрушкой ихъ интригъ. По-

литиканствующій слой, въ совокупности своихъ партій, дѣлается владыкой страны, и ослабленіе власти Монарха,—а въ идеалѣ и полное ея уничтоженіе — становится цѣлью усилій этого слоя, ибо пока есть хоть тѣнь монархіи, она остается вѣчною угрозой его столь для него выгодному господству надъ страной.

Графъ Лорисъ-Меликовъ принесъ съ собою на самую вершину государственной власти такое направленіе уже не однихъ понятій, а дѣйствій, которое клало первыя начала перевороту, строило основы для замѣны Самодержавія парламентаризмомъ. Вопросъ о томъ, насколько ясно понималъ графъ, что онъ дѣлаетъ,—не имѣетъ въ этомъ случаѣ никакого значенія. Можно только съ увѣренностью сказать, что если онъ не понималъ ясно смысла парламентаризма, то ужъ окончательно не понималъ и идеи монархіи. Въ этомъ онъ оставался лишь вѣренъ тому типу средняго либерала, какимъ былъ.

Заключая изъ террористическаго движенія и оппозиціи либераловъ будто бы въ Россіи «населеніе» недовольно правительствомъ, а изъ противорѣчія, въ какомъ находилась Са-

модержавная Монархія съ конституціонными идеями, дѣлая выводъ будто бы власть разобщена съ «народомъ», графъ Лорисъ-Меликовъ, соотвѣтственно такому либеральному діагнозу, поставилъ и свое лѣченіе русскихъ политическихъ недуговъ. Онъ задумалъ «непосредственно» «сблизить» Царя съ народомъ, созданіемъ какой-либо формы представительства. Но для этого нужно было сначала получить согласіе Государя, который, при всей мягкости характера и при всей любви къ свободѣ, понималъ, однако, свою идею безконечно глубже своего министра, а потому съ крайнимъ отвращеніемъ останавливался предъ мыслію о конституціи. Въ ожиданіи пока можно будетъ вырвать у Государя какія-нибудь существенныя конституціонныя уступки, графу Лорису-Меликову предстояло какъ-нибудь «успокоить» общество *фактическимъ* удовлетвореніемъ его, какъ казалось графу, законныхъ желаній, то-есть системой поблажекъ, уступокъ, либеральничанья и популярничанья. По этимъ двумъ линіямъ онъ, призванный Царемъ для уничтоженія крамолы, и повелъ свою политику. Занятый этимъ, какъ казалось ему, «главнымъ» дѣломъ, графъ гораздо ме-

нѣе силъ удѣлилъ исполненію своего прямаго долга, то-есть наблюденію за безопасностью Государя, что, въ концѣ концовъ, не могло остаться безъ вліянія на возможность 1 марта 1881 года.

VII.

Отвѣтственность за страшное дѣло 1 марта разумѣется, лишь косвенно падаетъ на тогдашняго министра Внутреннихъ Дѣлъ, которымъ былъ графъ Лорисъ-Меликовъ съ осени 1880 года. Возможность успѣха этого преступленія обусловлена была рядомъ роковыхъ случайностей, отчасти даже внѣ всякаго человѣческаго предвидѣнія. Но то, что̀ было сознательнымъ предметомъ заботъ графа Лорисъ-Меликова, его политика «сближенія» власти съ «народомъ»,—всецѣло лежитъ отвѣтственностію на немъ. А эту политику нельзя назвать иначе, какъ рядомъ гибельныхъ ошибокъ, въ одинъ годъ расшатавшихъ Россію, какъ и въ сотую долю не могли бы расшатать ее соединенныя усилія всѣхъ революціонеровъ и либераловъ.

Огромное большинство либеральничающихъ людей у насъ и тогда прекрасно понимали,

что власть Царя безмѣрно глубоко вкоренена въ душѣ народа, и что сдѣлать переворотъ насильно—у насъ невозможно. Они понимали, что еслибы Царь *захотѣлъ*, то онъ могъ бы искоренять своихъ «супостатовъ» даже по примѣру Ивана Грознаго, и ничего бы съ нимъ нельзя было сдѣлать. Обезопасенный *лично* въ какой-нибудь Александровской слободѣ, — онъ могъ бы сдѣлать *все*, и народъ поддержалъ бы его во всемъ съ безпрекословнымъ послушаніемъ и съ полнымъ сочувствіемъ. Понимая это очень хорошо и, сверхъ того, въ большинствѣ только изъ либеральнаго «баловства» занимающійся оппозиціей, нашъ слой жаждущихъ «политическихъ вольностей» крамольничалъ лишь потихоньку, съ оглядкой, въ мѣру, терпимую властью. Никакими силами невозможно было вовлечь ихъ въ явно безнадежную и серіозно никому не нужную революцію. Для того, чтобъ они зашевелились, нужно было, чтобы сама *власть* отдалась въ ихъ руки, дѣлая ихъ политическую дѣятельность возможною и безопасною. Это они и получили съ назначеніемъ графа Лорисъ-Меликова. Они увидѣли *своего* человѣка на верху власти, ближайшимъ совѣтникомъ Государя. Этотъ человѣкъ объявлялъ

имъ громогласно, что Самодержавіе «разобщено съ населеніемъ», что власть безсильна справиться съ терроризмомъ безъ «содѣйствія общества». Въ частныхъ бесѣдахъ, до которыхъ графъ былъ большой охотникъ, онъ постоянно только упрашивалъ всѣхъ быть спокойными, не торопиться, увѣрялъ, что все будетъ «улажено» къ удовольствію «современно развитыхъ» умовъ. «Не торопите насъ, не будьте слишкомъ взыскательны», говорилъ онъ Кошелеву, «дайте намъ время осмотрѣться, и тогда безъ вашего (то-есть «земскаго») совѣта и содѣйствія мы не обойдемся». Такой же тонъ, дружески-фамильярный, какъ со своими людьми, усвоилъ онъ въ отношеніи печати. Общій смыслъ разговоровъ былъ ясенъ: дайте мнѣ, дескать, время уговорить Государя, придумать комбинацію, на которую бы онъ могъ согласиться, но такъ или иначе мы найдемъ средства съ нимъ поладить. Въ ожиданіи, графъ давалъ фактическую свободу дѣйствія всѣмъ «мирнымъ» дѣятелямъ государственнаго переворота. Торрористовъ, конечно, преслѣдовали, но на все остальное зажмуривали глаза. Власть стала заискивать предъ либералами, которыхъ вообразила «населеніемъ» Россіи.

Даже мѣры умныя и необходимыя, какъ объединеніе полиціи, производились подъ либеральнымъ соусомъ «уничтоженія III отдѣленія». Даже среди революціонеровъ множество «не столь вредныхъ» разными путями получали прощеніе и, входя «легальными» въ ряды общества, ободряли либераловъ. Ненавистный либеральному слою графъ Д. А. Толстой былъ уволенъ и замѣненъ Сабуровымъ, который немедленно отправился въ поѣздку по Россіи, повсюду объясняя, что хотя законы еще не измѣнены, но фактически можно дѣйствовать такъ, какъ еслибъ они уже были измѣнены. Студенты въ разныхъ мѣстахъ получили цѣлую конституцію, съ выборами, представителями, «правою» и «лѣвою». Съ печатью графъ былъ особливо любезенъ, началъ пересмотръ законовъ о печати съ участіемъ ея представителей, а главное— фактически далъ ей волю говорить, что̀ угодно, только убѣждая не злоупотреблять этимъ слишкомъ. О земцахъ, которые въ это время совсѣмъ вообразили себя какими-то «представителями» націи, — нечего и говорить. Любезность съ ними, увѣренія, что безъ ихъ совѣта и содѣйствія не обойдутся,—расточались на всѣ стороны.

Такое положеніе столь же ободрило всѣ оппозиціонные элементы, сколько обезкуражило людей искренно преданныхъ Самодержавію. Сама власть становилась во главѣ «преобразованія». Какъ—во имя чего—люди, чтущіе Волю Царя, могли ей противодѣйствовать.

VIII.

Началось небывалое «оживленіе». Органы либеральной печати появляются одинъ за другимъ. Агитировать и организовываться стало легко. Изъ упомянутыхъ документовъ «Общаго Дѣла» видно, что съѣзды, весьма затруднившіеся въ 1879 г., теперь, съ 1880, производились очень широко. Различныя фракціи конституціоналистовъ объединялись. Такъ *либеральная лига*, которая «не отказывала сообществу «Народной воли» (т.-е. террористамъ) въ нѣкоторой поддержкѣ денежными взносами и укрывательствомъ», собралась съ земскимъ *либеральнымъ комитетомъ* въ 1880 г. на общій съѣздъ. На этомъ съѣздѣ была рѣшена «необходимость добиться *центральнаго народнаго представительства* при непремѣнномъ условіи *одной палаты* и *всеобщаго голосованья*». Мечта «либеральнаго комитета» о системѣ «петицій» впервые находитъ для себя

благопріятную почву. Увѣренные въ графѣ Лорисъ-Меликовѣ, земскіе конституціоналисты стремятся поддержать его усилія, повсюду возбуждая требованія «представительства»— или хотя бы видимость такихъ требованій— со стороны земствъ. Нѣтъ, кажется, ни одного вопроса земскаго хозяйства, къ которому бы они не придирались для заявленій о необходимости созыва народныхъ представителей. Политику приплели даже къ поднятому тогда вопросу о народномъ продовольствіи.

Такъ, г. Нечаевъ вноситъ въ *продовольственную коммиссію* Новгородскаго земства цѣлое разсужденіе о правахъ человѣка *). «Правительству», пишетъ онъ, «необходимо выслушать голосъ народа и дать ему возможность и средства свободно высказаться». Земству необходимо даровать широкія права и сдѣлать его дѣйствительнымъ представителемъ общества и выразителемъ его интересовъ. Далѣе, необходимы «свобода мысли и слова, немыслимыя безъ личной неприкосновенности»... и все это вносится въ *продовольственную коммиссію*, которая хотя отклонила обсужденіе этой записки, однако собраніе

*) *Мнѣнія земскихъ собраній.*

рѣшило, что и продовольственныхъ мѣръ обсуждать не стоитъ, ибо рѣшеніе вопроса «можетъ послѣдовать только на почвѣ общегосударственныхъ мѣропріятій, относительно которыхъ земство не имѣетъ возможности высказаться при настоящихъ условіяхъ».

Въ Самарскомъ земствѣ коммиссія поставила вопросъ еще радикальнѣе: «Чтò значитъ образцовая и идеально справедливая раскладка̀ десятковъ или сотенъ тысячъ земскихъ сборовъ передъ милліонами государственнаго налога?» Ясно, что пока земство не допущено къ государственнымъ милліонамъ, не стòитъ толковать о разумной раскладкѣ мѣстныхъ средствъ... Не стòитъ, говоритъ коммиссія, заниматься даже изученіемъ вопросовъ, пока, «въ силу полной разобщенности земскихъ учрежденій, ихъ изслѣдованія не могутъ получить *государственнаго обобщенія*, а слѣдовательно и настоящей силы въ глазахъ правительства».

Въ Новгородскомъ земскомъ собраніи гласный Н. Румянцевъ, для рѣшенія вопроса о развитіи народнаго благосостоянія, потребовалъ «ходатайствовать передъ правительствомъ, чтобъ оно признало *неприкосновенность личности*»; «безъ этого, увѣряетъ онъ,

мы будемъ безсильны и нѣмы во всякомъ серіозномъ вопросѣ»!

Господа земцы все болѣе начинали играть въ политику. Въ Черниговской губерніи устроили чисто парижскую демонстрацію. Какъ мы говорили, въ апрѣлѣ 1879 года оттуда былъ высланъ административнымъ порядкомъ г. Петрункевичъ. Въ 1880 году его снова *выбираютъ въ гласные*, и 37 человѣкъ гласныхъ внесли въ собраніе предложеніе «ходатайствовать передъ правительствомъ о предоставленіи г. Петрункевичу возможности исполнять его обязанности гласнаго», то-есть вернуть изъ ссылки. «Недовѣріе, выраженное администраціей Петрункевичу, говоритъ между прочимъ это любопытное заявленіе, не раздѣляется мѣстными жителями».

Въ томъ же Черниговскомъ собраніи и тогда же (въ январѣ 1881 года) гласный А. Карпинскій вноситъ предложеніе ходатайствовать вообще объ «ограниченіи дѣйствія административной высылки въ примѣненіи къ *общественному представительству*». Это предложеніе не было пропущено предсѣдателемъ, но ходатайство о г. Петрункевичѣ *принято* собраніемъ...

Господа земцы рѣшительно заводили пар-

ламентскіе порядки. Въ Черниговѣ администраціи выражено, какъ мы видѣли, недовѣріе; изъ Твери послали графу Лорисъ-Меликову адресъ, составляющій настоящее «выраженіе довѣрія»: «Въ короткое время ваше сіятельство сумѣли оправдать и довѣріе Государя и многія изъ надеждъ общества. Вы внесли прямоту и доброжелательность въ отношенія между властью и народомъ. Вы мудро признали законныя нужды и желанія общества». Выражая графу свою «искреннюю и глубокую благодарность», Тверское земство заявляло увѣренность, «что прискорбное прошлое не воротится, и для дорогаго намъ всѣмъ отечества открывается счастливое будущее».

Впрочемъ, графъ Лорисъ-Меликовъ всякихъ одобреній и поздравленій получилъ не мало, а печать раструбила его на всю Россію спасителемъ и геніемъ, такъ что дѣйствительно создала ему нѣкоторую популярность, придавая ему роль представителя «общественнаго мнѣнія» около Государя. Конечно, передовые либеральные органы—*Порядокъ*, *Страна*, *Голосъ*—шли дальше графа, какъ бы тянули его, а графъ увѣщевалъ печать не «волновать общество несбыточными иллюзіями». Но все это были лишь оттѣнки одного направленія,

и либеральная партія шумно торжествовала, чувствуя себя у власти, и съ каждымъ днемъ все болѣе отрѣшалась отъ здраваго смысла, дотолѣ говорившаго ей, какъ ничтожна ея дѣйствительная сила въ странѣ.

Съ этимъ оживленіемъ и сплоченіемъ либеральной партіи, понятно, шло рядомъ такое же оживленіе и партіи революціонной. Террористы не покинули своихъ цареубійственныхъ замысловъ, но пользовались общими вольностями для расширенія своей дѣятельности. Изъ процессовъ извѣстно, что именно къ этой эпохѣ относятся агитаціонныя поѣздки Желябова въ Кронштадтъ и старанія его съ товарищами организовать революціонныя «подгруппы» среди либеральныхъ офицеровъ. Что эти усилія не остались безплодны, достаточно показываютъ послѣдовавшіе процессы лейтенантовъ Суханова и Штромберга и поручика артиллеріи Рогачева, которые всѣ были, по тяжести совершенныхъ преступленій, преданы смертной казни. Объ усиленіи дѣятельности революціонеровъ среди молодежи достаточно свидѣтельствуютъ скоро возникшіе безпорядки среди студентовъ. Въ цитированномъ *Календарѣ народной воли* (1883 года) помѣщенъ важный документъ «Подготовительная работа

партіи». Изъ этого документа (первоначально секретнаго) и объясненій къ нему видно, что въ 1880 году революціонеры сочли своевременнымъ выработать планъ широкой организаціонной работы, которая покрывала Россію сѣтью различныхъ «мѣстныхъ» и «спеціальныхъ» подгруппъ, сосредоточенныхъ подъ властію «исполнительнаго комитета». Какъ видно изъ примѣчаній издателей, эти группы уже и существовали. Въ статьѣ эмигранта П. Лаврова объяснено, что «въ 1880 году, подъ руководствомъ исполнительнаго комитета, дѣйствовало не менѣе двѣнадцати мѣстныхъ группъ и нѣсколько спеціальныхъ». Общая численность ихъ опредѣляется въ 500 человѣкъ. Среди молодежи партія дѣйствовала посредствомъ «студенческихъ подгруппъ». Въ С.-Петербургѣ съ того же злополучнаго 1880 года революціонерами «организована особая *Центральная студенческая группа*, заявившая себя дѣятельнымъ участіемъ во всѣхъ студенческихъ волненіяхъ» (*Кал. Нар. Воли* стр. 134). Какъ извѣстно, самому Сабурову пришлось стать жертвой грубаго и безсмысленнаго оскорбленія на актѣ Спб. университета, при одномъ изъ этихъ волненій. Рабочая группа въ С.-Петербургѣ въ 1880 году, по свидѣ-

тельству П. Лаврова, также «увеличилась въ четыре раза» и сгруппировала «сотни рабочихъ». Вообще силы собирались поспѣшно. Революціонная партія торопилась пользоваться свободой дѣйствія для того, чтобы возможно болѣе укрѣпиться.

Какъ объясняетъ «инструкція», тамъ же публикованная, организація готовилась именно *къ возстанію*. «Можетъ-быть», говорится въ ней, «правительство, не сдаваясь вполнѣ, дастъ, однако, на столько свободную конституцію, что для партіи будетъ выгоднѣе *отсрочить* возстаніе, съ тѣмъ чтобы, *пользуясь свободой дѣйствій*, возможно лучше организоваться и укрѣпиться.» Но въ ожиданіи должно готовиться именно къ возстанію, такъ какъ «всякія уступки, мелкія или крупныя, могутъ быть только *вынуждены*». Сверхъ того, «никакихъ существенныхъ уступокъ *можетъ легко не быть и—гораздо вѣроятнѣе не будетъ*».

Планы политическихъ убійствъ при этомъ не покидались. Напротивъ. Въ «инструкціи» намѣчалась «система террористическихъ предпріятій, одновременно уничтожающихъ 10—15 человѣкъ, столповъ современнаго правительства». Затѣмъ, фантазируетъ инструкція, пользуясь моментомъ безпорядка, «заранѣе со-

бранныя боевыя силы начинаютъ возстаніе и пытаются овладѣть главнѣйшими правительственными учрежденіями» и т. д.

Во всемъ этомъ, конечно, очень много обычной фантастичности заговорщиковъ, но во всякомъ случаѣ политика оживленія «населенія» и «сближенія» его съ «властью», какъ видимъ, отразилась очень недурно на дѣлахъ террористовъ. Дотолѣ ограниченные ролью революціонныхъ bravi, бившихъ изъ-за угла, они начинаютъ мечтать о pronunciamento и быстро развиваютъ цѣлую сѣть группъ, въ томъ числѣ «боевыхъ», «военныхъ» и «мѣстныхъ», которыя, между прочимъ, имѣли задачей «по возможности сходиться съ мѣстными либералами и конституціоналистами» (стр. 128).

Изъ этихъ плановъ легко видѣть, какъ высоко поднятъ былъ духъ революціонеровъ. Только этимъ поднятіемъ ихъ самоувѣренности до окончательнаго безразсудства можетъ быть объяснено преступленіе 1 марта 1881 года, нарушавшее ихъ собственныя соображенія объ выгодности «отсрочки» насильственныхъ дѣйствій для подготовки средствъ къ возстанію.

IX.

Итакъ, съ одной стороны политика графа Лорисъ-Меликова быстро расшевелила всѣ оппозиціонные элементы, всѣмъ имъ внушила самоувѣренность и облегчила возможность организаціи и дѣйствія. Въ то же время господство графа Лорисъ-Меликова дезорганизировало правительство.

Императоръ Александръ II не хотѣлъ ограниченія Самодержавія. Поэтому графъ предпринялъ рядъ мѣръ, чтобы всецѣло овладѣть довѣріемъ Государя и окружить его сѣтью личныхъ вліяній, благопріятствовавшихъ его планамъ. Для этого нужно было вытѣснить однихъ, возвысить другихъ, сойтись съ тѣми, кто имѣлъ шансы повліять на Государя. Въ настоящее время невозможно еще говорить о сложной интригѣ, которую пришлось вести въ этихъ видахъ. Но въ результатѣ ея—наверху правящихъ сферъ возникъ такой рядъ

недоразумѣній и разногласій, какихъ Россія не видывала со смутнѣйшихъ моментовъ XVIII вѣка. Въ этой мутной водѣ никакое рѣшительное дѣйствіе было невозможно. М. Н. Катковъ, въ своихъ энергическихъ статьяхъ 1881 года, имѣлъ всѣ основанія жестоко обвинять эту эпоху:

«Регулирующее дѣйствіе власти», говорилъ онъ, «которое твердый государственный порядокъ оказываетъ на умы, дисциплинируя ихъ— нигдѣ не чувствуется. Люди въ разбродѣ и обращаются въ стадо... Насъ предостерегають, отъ революціи, но надо же сказать правду: мы уже въ революціи, искусственной и поддѣльной, но тѣмъ не менѣе въ революціи. Еще нѣсколько мѣсяцевъ прежняго (то-есть Лорисъ-Меликовскаго) режима,—и крушеніе было бы неизбѣжно.» *) «Обманъ революціоннаго движенія идетъ не снизу, не изнутри страны. *Онъ свилъ себѣ гнѣздо въ преддверіяхъ власти и идетъ изъ бюрократическихъ сферъ.*» **)

Это очень горячо, очень рѣзко, но по существу выражаетъ несомнѣнно истинное положеніе вещей...

*) *Моск. Вѣд.* 1881 г., № 139.
**) *Моск. Вѣд.* 1881 г., № 104.

Есть книжка *Alexandre II, Details intimes sur sa vie et sa mort*, par Victor Laferté. Книжка эта очень партійная, и именно посвящена апологіи того кружка, который всецѣло обступилъ Императора Александра II при графѣ Лорисъ-Меликовѣ. Но свѣдѣнія автора идутъ изъ самыхъ компетентныхъ источниковъ.

По разсказамъ его видно, между прочимъ, что Императоръ Александръ II не былъ освѣдомленъ съ точностью объ истинномъ характерѣ терроризма.

«Александръ II», повѣствуетъ авторъ, «зналъ, что хотя его царствованіе было плодовито во всякаго рода реформахъ,—революціонная партія была недовольна и ожесточенно усиливалась его погубить. Это было показано многими покушеніями. Въ домашнихъ разговорахъ Императоръ бесѣдовалъ объ этомъ и громко себя спрашивалъ: «Но чего же они хотятъ отъ меня?» При этихъ словахъ лицо Императора становилось озабоченнымъ. Онъ погружался въ размышленіе и, казалось, искалъ ключа проблемы, разрѣшеніе которой могло бы обезоружить и удовлетворить эту партію.»

Нельзя безъ глубокой грусти читать такія

строки. Увы, Государь искалъ рѣшенія, котораго не было и быть не могло. Онъ, очевидно, не былъ освѣдомленъ, что противъ него возставали люди, отрицающіе самый *принципъ* имъ представляемый. Этихъ людей было немного, ихъ легко было *побѣдить*, но удовлетворить ихъ нельзя было ничѣмъ, ибо они хотѣли не тѣхъ или иныхъ мѣръ Государя, а самаго уничтоженія его власти. Къ несчастію, Государь искалъ рѣшенія проблемы, и это создавало психологическую почву для воздѣйствія на него въ болѣе или менѣе скрытомъ конституціонномъ смыслѣ.

Не болѣе какъ черезъ полгода, по назначеніи Верховной Коммиссіи, она, по представленію графа Лорисъ-Меликова, была упразднена. Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя графа, 30 августа 1880 года, сказано по этому поводу: «*Вы достигли такихъ успѣшныхъ результатовъ*, что оказалось возможнымъ если не вовсе отмѣнить, то значительно смягчить дѣйствіе принятыхъ чрезвычайныхъ мѣръ.» Такимъ образомъ, Государь склонялся уже къ убѣжденію, что политика графа Лорисъ-Меликова оказалась цѣлесообразною и достигла чего-то важнаго въ смыслѣ уничтоженія крамолы. На самомъ дѣлѣ ничего по-

добнаго не было, и даже было, къ сожалѣнію, совершенно наоборотъ. Но такая точка зрѣнія Государя, понятно, вполнѣ соотвѣтствовала увѣреніямъ графа Лорисъ-Меликова, что подавлять крамолу нужно посредствомъ уступокъ либераламъ. Хотя графъ, несмотря ни на что, не могъ добиться у Императора болѣе значительныхъ уступокъ, однако, онъ уже достигъ, по крайней мѣрѣ, перваго шага. Когда Кошелевъ снова посѣтилъ графа, то «узналъ отъ него много интереснаго.»

«*На созваніе земской думы*, по словамъ графа, онъ никакъ *не надѣялся* получить соизволеніе Государя. Но онъ имѣлъ въ виду собрать общую, довольно многочисленную, *коммиссію изъ выборныхъ отъ земствъ*, а гдѣ таковые не образованы—изъ лицъ приглашенныхъ правительствомъ» (стр. 253).

Эти минимальныя надежды графа осуществились въ февралѣ 1881 года. Въ помянутой выше брошюрѣ *Конституція графа Лорисъ-Меликова* приводится докладъ его, изъ коего видно, что рѣшено было образовать особую коммиссію, составленную частію изъ выборныхъ отъ земствъ и городовъ, частію назначенныхъ Государемъ, для обсужденія ряда государственныхъ вопросовъ предва-

рительно внесенія ихъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта (стр. 36—41). Коммиссія имѣла голосъ совѣщательный и, какъ видимъ, была поставлена ниже Государственнаго Совѣта. Тѣмъ не менѣе, ею все-таки создавался первый шагъ ко введенію *выборнаго* представительства въ систему законодательныхъ учрежденій. Въ концѣ февраля мѣра была окончательно рѣшена. По разсказу Victor'a Laferté, утромъ 1 марта 1881 года Государь передалъ графу Лорисъ-Меликову нѣкоторую бумагу и сказалъ при этомъ одному близкому лицу, стоявшему вполнѣ au courant плановъ и стараній графа: «Я подписалъ ту бумагу (le papier en question). Надѣюсь что она произведетъ хорошее впечатлѣніе и будетъ для Россіи новымъ свидѣтельствомъ, что я ей даю все, чтó только возможно».

Расточая совершенно справедливыя проклятія убійцамъ великодушнаго Монарха, авторъ книги *Alexandre II* говоритъ по этому поводу: «Въ своемъ фанатическомъ ослѣпленіи, гнусные цареубійцы забыли, въ бѣшеномъ сумашествіи своемъ, что еслибъ Александръ II процарствовалъ еще нѣсколько лѣтъ,—то Россіи уже не въ чемъ было бы за-

видовать государствамъ наиболѣе явно (franchement) конституціоннымъ. И такая трансформація произошла бы безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній, тогда какъ въ другихъ странахъ Европы эта цивилизаторская реформа стоила рѣкъ крови»...

Итакъ, кружокъ графа вполнѣ сознавалъ, что дѣлалъ лишь первый шагъ къ цивилизаторской реформѣ. Точно также «самъ графъ Лорисъ-Меликовъ», поясняетъ авторъ брошюры *Конституція графа Лорисъ-Меликова*, «не заблуждался насчетъ недостаточности тѣхъ уступокъ, какія въ этомъ актѣ правительство дѣлало общественному мнѣнію. *Онъ не смотрѣлъ на предложенную имъ реформу, какъ на нѣчто окончательное и видѣлъ въ ней только первый шагъ* ко сближенію высшей администраціи съ представителями отъ земства» (стр. 20).

X.

Не трудно понять, что дѣйствительно дальнѣйшіе шаги неизбѣжно и быстро должны были послѣдовать по созваніи этихъ *выборныхъ* земцевъ. Они явились бы поголовно изъ того слоя политикановъ, который велъ въ это время земскую агитацію. Они выставили бы себя представителями «воли народа» и, имѣя графа Лорисъ-Меликова около Государя, стали бы фактически *выше* Государственнаго Совѣта, завоевывая себѣ значеніе настоящаго парламента. Мы, очевидно, готовились войти въ такую полосу внутренней смуты, исходъ которой, при данныхъ условіяхъ, трудно даже было предсказать.

Но нельзя по истинѣ не удивляться безпечности графа, столь плохо оберегавшаго Государя, съ жизнью котораго онъ связывалъ столько плановъ. Можетъ-быть, онъ не хотѣлъ «пугать» Государя и разочаровывать его во

мнѣніи объ умиротворяющемъ дѣйствіи либеральной политики, боясь, что тогда Государь приметъ иное направленіе. Какъ бы то ни было, обстоятельства, среди которыхъ, на зарѣ задуманныхъ реформъ, совершилось преступленіе 1 марта, изумительны.

За два мѣсяца предъ тѣмъ, террористы, подъ фальшивыми паспортами мѣщанъ Кобозевыхъ, наняли погребъ на Малой Садовой, якобы для производства сырной торговли. Въ дѣйствительности они вели мину подъ улицу, составлявшую путь обычнаго проѣзда Государя, по воскресеньямъ, въ Манежъ. Работа была трудная и произведена очень искусно. Нужно было пробить толстый фундаментъ огромнаго дома и вести затѣмъ далеко галлерею. Для этого къ Кобозевымъ приходили по ночамъ ихъ товарищи и работали. Вынутые камни и землю не выносили, а ссыпали за деревянную обшивку стѣнъ, завалили ею заднюю комнату, и даже набили пустыя бочки, якобы съ сыромъ. Можно бы и вообще удивляться, какъ такая сложная работа посреди столицы осталась незамѣченною, особенно послѣ того какъ уже былъ раньше подкопъ и взрывъ въ Москвѣ, на Курской дорогѣ. Но безпечность высшей вла-

сти еще болѣе поразительна. Victor Laferté самъ разказываетъ, что «по городу *былъ слухъ*, что Малая Садовая минирована», и, въ виду такого слуха, одно близкое Государю лицо (но не графъ Лорисъ-Меликовъ) убѣдило его не ѣздить болѣе въ Манежъ черезъ Малую Садовую.

Забота о Государѣ не пошла далѣе этого. Участковая полиція нашла подозрительными именно Кобозевыхъ и сдѣлала о нихъ донесеніе. Но и это осталось безплоднымъ. Уваженіе къ правамъ человѣка и гражданина дошло уже въ Петербургѣ до того, что, вмѣсто обыска, вмѣсто надзора за Кобозевыми, приказано было свыше лишь послать техника отъ санитарнаго комитета, чтобы, «подъ предлогомъ сырости» помѣщенія, посмотрѣть нѣтъ ли чего подозрительнаго. Техникъ слегка взглянулъ и ничего не замѣтилъ... Онъ не заглянулъ даже въ заднюю комнату, заваленную кучами земли... Это было за два дня до преступленія.

Понятно, что надзоръ за Кобозевыми и арестъ ихъ могъ бы открыть всѣхъ злоумышленниковъ, съ ихъ бомбами, какъ они были открыты *послѣ* 1 марта на Телѣжной улицѣ и въ другихъ мѣстахъ. Покушеніе стало бы

невозможно. Но графъ Лорисъ-Меликовъ, видно, очень крѣпко вѣрилъ въ свою фантазію, будто бы стоитъ угодить либераламъ, и террористы сами исчезнутъ. Его оптимизмъ былъ безпредѣленъ. За два дня до 1 марта, почти случайно, на квартирѣ поднадзорнаго Тригони былъ арестованъ самъ Желябовъ, извѣстный полиціи какъ глава террористовъ и какъ виновникъ подготовлявшагося въ Александровскѣ взрыва Царскаго поѣзда. По разсказу Victor'a Laferté, «Желябовъ отказался отвѣчать на вопросы прокурора, но прибавилъ, что, несмотря на его арестъ, *покушеніе на жизнь Его Величества будетъ произведено непремѣнно*»...

Но даже и въ такой моментъ церемонились съ Кобозевыми, пока они сами не сбѣжали съ квартиры послѣ 1 марта...

Графъ Лорисъ-Меликовъ доложилъ Государю объ угрозахъ Желябова. Это было въ субботу. Въ воскресенье Государь предполагалъ ѣхать въ Манежъ, куда уже три воскресенья не ѣздилъ, по настояніямъ вышеупомянутаго близкаго лица. «Въ виду такой формальной и смѣлой угрозы (Желябова) Лорисъ-Меликовъ пригласилъ Государя не отправляться на парадъ завтра, но прибавилъ,

что *еслибы Государь непремѣнно настаивалъ* быть на парадѣ, то онъ ему совѣтуетъ быть осторожнымъ.»

Этотъ совѣтъ, прибавляетъ Victor Laferté, скорѣе ободрялъ Государя ѣхать, чѣмъ убѣждалъ остаться. Собственно Государь не имѣлъ никакихъ причинъ настаивать на поѣздкѣ въ Манежъ и не настаивалъ, по словамъ Victor'a Laferté (стр. 26). Но слова графа, что нужно только «быть осторожнымъ» заставили Государя «предполагать, что явной опасности не было, тѣмъ болѣе что Императоръ получилъ увѣреніе (il fut assuré à l'Empereur), что всѣ человѣчески возможныя (humainement possibles) предосторожности были приняты для охраны его особы на улицахъ, которыя онъ долженъ былъ завтра проѣзжать по пути въ Манежъ». Вообще свиданіе съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ подѣйствовало на Государя успокоительно. Его физіономія была столь спокойна, разсказываетъ тотъ же авторъ, что самые близкіе люди не догадывались о новости, только-что ему сообщенной. Столь же веселъ и спокоенъ былъ онъ вечеромъ и на слѣдующее утро, и только торопился непремѣнно передать графу Лорисъ-Меликову «le papier en question», то-есть от-

носительно созыва выборныхъ. Не нужно забывать, что все это разсказываетъ апологетъ графа, старающійся его «выгородить» и свалить отвѣтственность за роковую небрежность на градоначальника. Изъ разсказа, однако, совершенно ясно, что графъ *успокоивалъ* Государя. Весьма возможно, что онъ представлялъ арестъ Желябова, какъ ручательство въ томъ, что покушенія не будетъ. Замѣчательно также, что тревожной новости своей графъ Лорисъ-Меликовъ *не сообщилъ* даже тому близкому лицу, которое особенно заботилось о безопасности Государя. *) Ясно, что онъ не хотѣлъ подымать тревоги, которая могла бы измѣнить взглядъ Государя на благодѣтельность либеральной политики.

Что касается «всѣхъ человѣчески возможныхъ мѣръ предосторожности», то мы уже видѣли, каковы онѣ были въ отношеніи мины Кобозевыхъ. Не лучше обстояло дѣло на Екатерининскомъ каналѣ, гдѣ, по свидѣтельству Victor'a Laferté, не оказалось даже полицейскихъ на постахъ. Понятно, что еслибъ они

*) Молчаніе Лорисъ-Меликова тѣмъ страннѣе, что это лицо ему очень близкое, вполнѣ единомышленное и даже служившее главною опорой его вліянія.

были, то не могли бы не замѣтить приготовленій заговорщиковъ, которые разставляли цѣлый рядъ «метальщиковъ» бомбъ на условленныя мѣста по совершенно пустынной набережной.

«Не министру же разставлять городовыхъ на посты», говоритъ Victor Laferté въ оправданіе графу. Конечно. Но министръ Внутреннихъ Дѣлъ, какъ начальникъ полиціи, безъ сомнѣнія долженъ былъ сдѣлать обыскъ у Кобозевыхъ, да и полицію имѣть такую, которая не забывала бы выставлять охрану, особенно въ минуту прямой угрозы о готовящемся покушеніи. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ долженъ бы былъ употребить всѣ усилія, чтобъ удержать Государя отъ ненужныхъ поѣздокъ, пока не будетъ выяснено дѣло Желябова и Кобозевыхъ. Къ сожалѣнію, онъ, очевидно, весь былъ поглощенъ мыслью о будущемъ процвѣтаніи преобразованной Россіи, и думалъ больше о подписи Государя на «papier en question», чѣмъ о мѣрахъ къ его безопасности.

И вотъ настало роковое воскресенье. Государь поѣхалъ въ Манежъ, но во дворецъ возвратился уже лишь для того, чтобъ испустить послѣдній вздохъ.

XI.

Плоды политики графа Лорисъ-Меликова сказались немедленно послѣ 1 марта 1881 года. Всего два года тому назадъ конституціоналисты трепетали предъ мыслью, что цареубійство вызоветъ страшную «реакцію» и окажется пагубнымъ «для дѣла свободы» (Кеннанъ). Они тогда еще понимали, стало-быть, какова сила монархіи въ Россіи. Въ 1881 году они уже настолько прониклись увѣренностью въ безсиліи правительства, что заговорили языкомъ какихъ-то побѣдителей.

«Толпы народныя», писалъ М. Н. Катковъ,—«идутъ нескончаемою вереницей къ мѣсту, ознаменованному мученическою смертью Русскаго Царя, павшаго отъ измѣннической руки... Въ толпѣ передъ часовней слышатся слова молитвы и рыданія... А въ это самое

время, поодаль, воины либерализма *объ одеждѣ его мечутъ жребій»* *).

Дѣйствительно, въ первыхъ же нумерахъ либеральныхъ газетъ раздаются клики свободолюбивыхъ рабовъ, распущенныхъ многотерпѣливымъ хозяиномъ. Не часто приходится читать что-либо столь непристойное даже по тону, какъ статья *Порядка*:

«Воля Всевышняго совершилась», — развязно толкуетъ благочестивый либералъ.—«Теперь остается только *смириться* передъ несокрушимою волей Провидѣнія и, не *вступая съ нею въ тщетную борьбу*, посвятить всѣ заботы, чтобы положить прочное основаніе для будущаго. Не о реакціи пагубной надо говорить теперь... Государь! Суровыя мѣры стѣсненія доказали свою непригодность... *Спросите вашу землю въ лицѣ излюбленныхъ людей!*»

Нельзя не сказать, что вышедшая въ это же время прокламація террористовъ безъ сравненія приличнѣе этихъ рѣчей либерала.

Требованіе представительства высказывается съ разныхъ сторонъ открыто. Для *Голоса* (№ 36) изъ событій «выяснилась необходимость въ устройствѣ *общественной организа-*

---

*) *Моск. Вѣд.* 1881 г., № 72.

ціи для служенія вмѣстѣ съ правительствомъ на благо столь дорогой намъ всѣмъ Русской земли. Необходимо, говоритъ онъ, приступить къ продолженію остановленныхъ крамолой реформъ, *призвавъ къ содѣйствію общественныя силы*». *Страна* (№ 36) еще откровеннѣе. Она прямо объясняетъ фактъ 1 марта, какъ проявленіе *отвѣтственности* за плохую политику. «Почему», — говоритъ газета, — «отвѣтственность за все, что̀ дѣлается на Руси, за *ошибки экономическія, мѣры реакціи, за ссылки въ Восточную Сибирь*, должна ложиться лично на одного Вождя Русскаго народа?» Исходя изъ такой трогательной заботливости, *Страна* говоритъ: «Надо, чтобъ основныя черты внутреннихъ политическихъ мѣръ *внушались представителями русской земли* и потому лежали на ихъ отвѣтственности. А личность Русскаго Царя пусть служитъ впредь только вполнѣ симпатичнымъ *символомъ нашего національнаго единства*».

Тутъ уже, стало-быть, требовали не какого-либо «совѣщанія», а прямаго упраздненія Самодержавія, какъ силы правящей, приведенія Монарха къ значенію простаго «символа».

Вотъ какими голосами заговорили предъ

окровавленнымъ трупомъ благодушнѣйшаго изъ царей.

Графъ Лорисъ-Меликовъ могъ легко предвидѣть, что такія же рѣчи раздадутся и изъ лагеря его земскихъ единомышленниковъ. Онъ, вѣроятно, ожидалъ даже болѣе энергическихъ голосовъ, ибо впослѣдствіи обвинялъ Русскихъ за это время въ «холопствѣ». Однако, и то, что̀ было выражено, весьма достаточно показываетъ, какую смѣлость пріобрѣли конституціоналисты за годовое господство графа. Я говорю «смѣлость», а не «силу», потому что силы въ агитаціи вовсе не замѣтно. Изъ года въ годъ все это одни и тѣ же имена, однѣ и тѣ же мѣстности. Если бы подсчитать этихъ «представителей населенія», то, думаю, ихъ набралось бы еще гораздо меньше, нежели террористовъ. Но, какъ выразился Катковъ, «регулирующее дѣйствіе власти исчезло; люди превращаются въ стадо»; ихъ стало легко подбивать на многое, особенно подъ благовиднымъ предлогомъ защиты *личности Государя*. Это и былъ любимый пріемъ либеральной агитаціи въ земствѣ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ собралось чрезвычайное Новгородское земское собраніе. Г. Нечаевъ, раньше требовавшій созыва представителей

по поводу продовольственнаго вопроса, теперь произнесъ рѣчь, въ которой предлагалъ «умолять Государя выслушать свободный голосъ Русской земли чрезъ посредство ея истинныхъ представителей» *). Это предложеніе г. Нечаевъ весьма краснорѣчиво мотивировалъ тѣмъ, что «общественная мысль поражена безпримѣрнымъ злодѣяніемъ» и «народъ жаждетъ поставить свою грудь для защиты возлюбленнаго Царя». Къ сожалѣнію, собраніе стало на эту точку зрѣнія и въ соотвѣтственномъ смыслѣ составило свой адресъ.

Въ Таврической губерніи дѣятелемъ выступилъ г. Винбергъ, тоже давно уже извѣстный. Онъ тоже красно обрисовывалъ «рѣшительную для государства минуту» и обращался къ чувству «долга» собранія, чтобы подбить его подать адресъ о созывѣ представителей. «Только весь народъ, въ лицѣ его истинныхъ представителей, въ состояніи указать средства спасенія Россіи отъ бѣдствій, грозящихъ расшатать ея крѣпкій организмъ». Однако, г. Винбергу не удалось «сорвать» конституціонный адресъ. Гласный Гофманъ отвѣтилъ, что «не берется говорить о пред-

*) *Мнѣнія Земскихъ Собраній*, стр. 41.

метахъ, на разсужденіе о которыхъ избиратели его не уполномочивали», а гласный Щербань окончательно «провалилъ» конституціонное предложеніе.

Само собою, не отстали отъ людей и Тверичи съ Черниговцами. Только въ Черниговѣ почему-то провели адресъ на этотъ разъ въ дворянствѣ, и при томъ нѣсколько позднѣе. Тверское же земство выразилось лишь обинякомъ: «Когда бѣда поражала отечество, *въ непосредственномъ единеніи* земскихъ людей и Верховной Власти, Русскій Царь и народъ всегда пріобрѣтали могучую, неодолимую силу». Подъ такими неопредѣленностями, конечно, легко было собрать подписи.

Рязанцы А. И. Кошелева вставили въ адресъ фразу: «Соберите насъ вокругъ Себя, а мы всегда готовы по Вашему велѣнію дѣлить съ Вами и труды, и опасности».

Нѣсколько иною демонстраціей пришлось удовольствоваться въ Самарскомъ чрезвычайномъ земскомъ собраніи, открытомъ 5 марта. Предсѣдатель предложилъ отправить адресъ съ выраженіями соболѣзнованія. Но гг. Ждановъ, Наумовъ и Нудатовъ горячо возражали. Г. Наумовъ объявилъ: «Словъ нѣтъ, достойныхъ выразить все, что́ у насъ на душѣ. Мы

не знаемъ, что̀ насъ ждетъ. Къ чему пустая формальность? Лучше молчать». Г. Ждановъ «находилъ отправленіе адреса неудобнымъ изъ опасенія умалить *торжественность минуты* (?!)» Г. Нудатовъ, вспоминая о прежнихъ адресахъ, сказалъ: «Развѣ мы говорили что-нибудь о тяжести налоговъ на крестьянъ, о подавленіи труда капиталомъ, объ отсутствіи гарантій личной неприкосновенности? Нѣтъ! Ну, въ такомъ случаѣ, лучше ничего не говорить, а просто молчать». Но возставая противъ адреса, гг. Ждановъ и Нудатовъ старались побудить собраніе ходатайствовать о «*расширеніи правъ народа и участіи его, въ лицѣ своихъ представителей, въ самоуправленіи всей страны*». Вѣроятно, они находили, что такое ходатайство не умаляло «торжественности минуты». Собраніе такъ далеко не пошло, но, какъ это бывало постоянно, запрашивая побольше, либеральные гласные выторговывали себѣ меньшую уступку. Конституціонное ходатайство отправлено не было, но за то не было выражено и соболѣзнованія. Вышла во всякомъ случаѣ демонстрація.

Болѣе дѣйствительны оказались старанія г. Нудатова въ Самарскомъ дворянскомъ собраніи 8 марта. Наши политиканы обнару

жили тутъ уже значительное умѣнье обращаться съ собраніями. Собственно дворянство было настроено вполнѣ монархически и, выразивъ Государю свои чувства, ходатайствовало даже о разрѣшеніи постройки храма. Тогда выступаетъ г. Тенняковъ. «Все это, сказалъ онъ, хорошо и вполнѣ свойственно дворянству, вѣрному Престолу и Отечеству. Но необходимо подумать о будущемъ. Сегодня они убили одного монарха, а завтра станутъ покушаться на жизнь другого. Необходимо обсудить мѣры, которыя должны быть приняты для предупрежденія подобныхъ ужасныхъ событій». Такимъ образомъ дворянство затрогивалось съ самой чувствительной стороны, со стороны личной преданности Государю. Замѣчаніе, очевидно, подѣйствовало. Тогда выступаетъ г. Нудатовъ. Соглашаясь вообще съ г. Тенняковымъ, онъ возражаетъ ему, что эти необходимыя мѣры не могутъ быть цѣлесообразно обсуждены въ собраніи однихъ дворянъ. «Эту въ высшей степени трудную задачу», доказывалъ онъ, «могутъ разрѣшить только *свободно избранные представители всѣхъ сословій*». При безпокойствѣ дворянъ о Государѣ, собраніе было тронуто, и окончательно сдалось, когда со стороны

г. Нудатова послѣдовала патетическая сцена вѣрноподданническаго отчаянія: «Я уже старъ и на склонѣ дней моихъ,—говорилъ онъ,—я люблю мою родину и желаю ей счастья и славы. Никто не заподозритъ и не скажетъ, что я революціонеръ. Но, ради блага отечества, ради счастья дѣтей нашихъ, говорю вамъ, что смута, вотъ уже два года терзающая Русскую землю, можетъ быть устранена только общими усиліями всѣхъ свободно избранныхъ представителей народа. Только они могутъ обсудить мѣры, которыя дали бы миръ и спокойствіе нашей несчастной родинѣ»... Ораторъ упалъ въ волненіи на стулъ, «слезы душили его»... Собраніе было наэлектризовано. «Кому же, какъ не народу защищать своего Государя», произнесъ гр. Толстой. Рѣчь г. Нудатова была покрыта восторженными рукоплесканіями и криками: *вѣрно*, *правда*, и собраніе постановило «подать адресъ съ ходатайствомъ о созывѣ избранныхъ представителей народа» *).

Такимъ-то образомъ собранія изъ чистѣйшей любви къ Царю давали подписи для демонстраціи противъ Его власти!

---

*) *Мнѣнія Земскихъ Собраній*, стр. 36—41.

XII.

Въ то время, когда въ странѣ такъ смѣло дѣйствовала конституціонная агитація, въ Петербургѣ положеніе было смутно до последней степени. Событіе 1 марта и послѣдовавшія открытія минъ на Малой Садовой, на Каналѣ, динамитной мастерской на Телѣжной улицѣ, неуловимость тайныхъ типографій, разсѣевавшихъ прокламаціи,—все это достаточно показывало, что полиція графа Лорисъ-Меликова ничего не знала и не видѣла. Естественно являлся вопросъ: что̀ же еще остается ей неизвѣстнаго, какія еще опасности угрожаютъ Государю? Никто бы не могъ отвѣтить съ увѣренностью, въ какой мѣрѣ обезпечена личная безопасность Монарха и преданныхъ ему лицъ правительства. Едва ли Государь всегда могъ съ увѣренностью сказать себѣ, что̀ знаетъ, кто ему другъ и кто врагъ. Правительство дробилось на партіи.

За все столѣтіе ни одинъ Государь не получалъ наслѣдства власти въ такомъ безпорядочномъ состояніи.

Victor Laferté описываетъ отчаяніе графа Лорисъ-Меликова послѣ смерти Императора Александра II. Однако ни самъ Лорисъ-Меликовъ, ни его партія не считали своего дѣла проиграннымъ. Собственно говоря, тѣ интриги, которыми держалась власть графа при покойномъ Императорѣ, чрезвычайно компрометтировали весь кружокъ при наступившей перемѣнѣ. Но все-таки графъ Лорисъ-Меликовъ не унывалъ. Въ его «вліяніе» вѣрили и другіе. Въ упомянутой лондонской брошюрѣ приводится любопытная записка одного изъ самыхъ извѣстныхъ министровъ того времени, который, посылая графу соображенія одного лица о созывѣ представителей, замѣчалъ, что это вполнѣ соотвѣтствуетъ планамъ Лорисъ-Меликова, и выражалъ, надежду что эти планы графъ еще поддержитъ «всею силой своего авторитета». Быть-можетъ, графъ разсчитывалъ, что его, «представителя общественныхъ требованій», не рѣшатся удалить. Какъ бы то ни было, онъ изготовилъ новому Государю докладъ, въ которомъ испрашивалось согласіе Государя на созывъ *Коммиссіи*, про-

ектированной наканунѣ 1 марта *. Государь назначилъ обсужденіе вопроса на 8 марта, и въ этомъ чрезвычайномъ совѣтѣ министровъ могъ вполнѣ убѣдиться, въ чьихъ рукахъ находятся важнѣйшія пружины и средства власти.

Объ этомъ историческомъ днѣ существуетъ много публикованныхъ свѣдѣній за границей. Между прочимъ, особенно любопытна брошюра *Черный передѣлъ реформъ Императора Александра II* (Берлинъ), ибо, по многимъ причинамъ, автора должно считать весьма недурно освѣдомленнымъ. Впрочемъ, всѣ свѣдѣнія, въ общемъ, совершенно одинаково рисуютъ обсужденіе вопроса. Отбрасывая имена сомнительныя,—*за опубликованіе* созыва выборныхъ высказалось 9 человѣкъ,—всѣ изъ числа министровъ; *противъ* говорили только 5 человѣкъ, изъ коихъ большинство даже не были министрами, а участвовали въ совѣтѣ по особому приглашенію. Пренія были бурныя. Лорисъ-Меликова прямо обвиняли въ замыслѣ ограничить Самодержавіе. Графъ вспыхнулъ и горячо возразилъ, что реформы необходимы для спасенія монархіи. Государь,

---

*) *Конституція графа Лорисъ-Меликова.* Этотъ докладъ отличается замѣчательно запутанною формой.

какъ всегда непроницаемый и молчаливый, все выслушалъ, не выразивъ своего мнѣнія, и, поблагодаривъ министровъ за откровенность, отсрочилъ окончательное рѣшеніе вопроса.

Въ этотъ знаменательный день у насъ несомнѣнно рѣшился вопросъ о томъ, быть или не быть у насъ революціи. При требованіяхъ созыва представителей всего народа, — требованіяхъ такъ смѣло возбуждаемыхъ повсюду конституціоналистами, — ясно, какъ день, что, подъ какимъ бы видомъ не исполнить проектъ графа Лорисъ-Меликова, это имѣло бы результатомъ созывъ нѣкотораго учредительнаго собранія, составленнаго изъ тѣхъ, кто о немъ хлопоталъ, то-есть изъ либераловъ и революціонеровъ. Заявивъ на всю Россію о безсиліи монархіи, правительство графа Лорисъ-Меликова тѣмъ прочнѣе оперлось бы на собраніе. Окончательные результаты трудно и предвидѣть, но что, во всякомъ случаѣ, возстановлять Самодержавіе пришлось бы среди кровавыхъ смутъ—это совершенно ясно. Возможно ли допустить мысль, чтобы человѣкъ умный и хитрый, какъ графъ Лорисъ-Меликовъ, и тутъ не понималъ, чтò онъ дѣлаетъ? Онъ какъ будто ставилъ послѣднюю рѣши-

тельную карту, въ надеждѣ, что въ этотъ смутный моментъ она выиграетъ, а дальше— пойдетъ «логика событій», съ которою уже трудненько справиться.

Но Россія не осталась безъ людей способныхъ понять положеніе дѣлъ. Вопросъ былъ порѣшенъ Государемъ совершенно иначе. 29 апрѣля 1881 года вся партія графа была какъ громомъ оглушена Манифестомъ, составленнымъ безъ ея вѣдома. Разсказываютъ, будто графъ Лорисъ-Меликовъ былъ такъ пораженъ, что воскликнулъ: «Это измѣна!»...

И однако, въ Манифестѣ 29 апрѣля была выражена только старинная, извѣстная формула Русской Монархіи. «Гласъ Божій», — сказано въ немъ,—«повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, съ упованіемъ на Божественный Промыселъ, съ вѣрою въ силу и истину Самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять, для блага народнаго, отъ всякихъ на нее покушеній».

Это Царское слово имѣло громадное значеніе. Отнынѣ страна знала по крайней мѣрѣ волю Государя. Становилось невозможнымъ выдавать конституціонныя стремленія за будто бы одобренныя Имъ. Это былъ необходимый первый шагъ для того, чтобы въ странѣ стало

возможно провести границу между своими и чужими. Царское слово ободрило всѣхъ вѣрующихъ въ Самодержавіе и дало имъ нравственное право противопоставить свои усилія усиліямъ враговъ Монархіи. Наконецъ, Манифестъ очистилъ воздухъ въ ближайшей обстановкѣ Государя. Послѣ такого заявленія, графъ Лорисъ-Меликовъ и его товарищи стали одинъ за другимъ подавать въ отставку. Государь ихъ не удерживалъ... Отнынѣ, при всей запутанности дѣлъ, по крайней мѣрѣ правительство дѣлалось Его правительствомъ, а не центральнымъ отдѣленіемъ либеральной партіи.

Не мало, однако, потребовалось времени на то, чтобы расшатанная центральная власть была приведена снова въ надлежащій порядокъ. Не сразу и конституціоналисты, избалованные поблажками, убѣдились, что Манифестъ 29 апрѣля есть не только слово Государя, но и безповоротно поставленное Имъ *дѣло*.

XIII.

Исторія возстановленія правильнаго дѣйствія правительственнаго механизма выходитъ изъ предѣловъ настоящаго очерка. Но для уясненія послѣднихъ отголосковъ конституціонной агитаціи въ эпоху 1881 года, необходимо вспомнить, что устроительное дѣло Государя Императора не могло совершиться сразу. Заявивъ, что будетъ править, какъ Самодержецъ, Государь, только-что вступившій на Престолъ, долженъ былъ, однако, разобраться въ частностяхъ множества вопросовъ, возбужденныхъ какъ общественными управленіями, такъ и сенаторскою ревизіей. Необходимо было выяснить, что́ здѣсь выражало дѣйствительныя нужды народа и что̀ составляло простое оппозиціонное критиканство. Первый годъ правленія былъ, поэтому, богатъ «вопросами», разбиравшимися поспѣшно и нерѣдко шумно. Эта многочисленность подня-

тыхъ вопросовъ возбуждала въ либералахъ надежды, что ихъ дѣло еще не проиграно окончательно. Хотя, какъ выражается Кошелевъ, «Манифестъ 29 апрѣля 1881 года и увольненіе графа Лорисъ-Меликова» возбудили въ либералахъ тяжелыя чувства «горя, унынія и недоумѣнія», однако они за предыдущіе годы такъ увѣрились въ безсиліи правительства, что не переставали ожидать паденія новой системы. «Оптимисты», какъ говоритъ Кошелевъ, еще въ 1883 году оставались при убѣжденіи, «что такъ администрація долго идти не можетъ и ударитъ въ стѣну лбомъ черезъ годъ и никакъ не дальше двухъ лѣтъ» (стр. 269).

Поэтому, какъ либеральная печать, такъ и политиканы, дѣйствовавшіе въ земствѣ и столь усилившіеся за 1880 годъ, продолжали агитировать. Надо однако замѣтить, что событія нѣсколько измѣнили ихъ внутреннія отношенія. Помощь, оказывавшаяся *либеральной лигой* террористамъ, была признана земцами недопустимою (*Общ. Дѣло*, № 54). Поэтому болѣе умѣренная часть, *послѣ 1 марта 1881 года*, отдѣлилась отъ крайнихъ и образовала особое общество «Земскій союзъ». Этихъ людей было, какъ сказано въ помянутыхъ доку-

ментахъ, 30 человѣкъ, которые, собравшись на съѣздъ въ Харьковѣ, выработали свою «программу». Она прямо отрицала *терроръ*, но требовала *децентрализаціи* государственнаго управленія на федеративныхъ началахъ, а также *центральное народное представительство въ смыслѣ полноправнаго законодательнаго органа*, ограничивающаго и прямо упраздняющаго Самодержавную Власть. Такимъ образомъ, расхожденіе *Союза* и *Лиги* произошло не на програмной почвѣ, а только на вопросѣ объ отношеніи къ террористамъ и въ общей сложности, несмотря на расколъ, силы ихъ далеко не уменьшились.

Впослѣдствіи *программа Союза* (сначала бывшая очень тайною *) была отчасти опубликована въ *Вольномъ Словѣ*. Въ ея § IV прямо дѣйствительно выражено, что «*законодательная власть и контроль надъ дѣйствіями правительства передаются въ руки народныхъ представителей, то - есть Государственной Думы*». Точные предѣлы предполагаемаго *Союзомъ* ограниченія Верховной Власти еще не были вполнѣ выяснены. Такъ изъ одного по-

*) Она была отлитографирована всего въ десяти экземплярахъ.

становленія *Союза* «ad referendum» (*Вольное Слово*, № 51) видно, что предметомъ спора еще оставались слѣдующіе пункты: 1) «Высшій надзоръ Союзной Думы надъ завѣдываніемъ *Государственными Имуществами*, 2) Право Думы ограничивать волю главы государства въ дѣлѣ *распущенія Государственной Думы*, 3) вопросъ о составѣ Думы въ случаѣ *пересмотра основныхъ государственныхъ законовъ*. По этимъ пунктамъ еще предполагались новыя обсужденія, а посему лица интересующіяся заранѣе приглашались къ обдумыванію вопросовъ. Какъ видимъ, во всякомъ случаѣ ограниченіе монархіи предполагалось очень серіозное, такъ что по нѣкоторымъ требованіямъ «главѣ государства» отказывали даже въ правахъ каждаго президента республики. Изъ другихъ пунктовъ уже принятой программы заслуживаетъ вниманія «*право сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ агентовъ власти*»...

Отклоняясь въ средствахъ дѣйствія отъ всякаго единенія съ террористами, *Земскій Союзъ* рѣшилъ проводить свою программу: 1) вліяніемъ на правительственныхъ лицъ, 2) устною пропагандой въ интеллигентной средѣ,

3) воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе путемъ печати.

Здѣсь необходимо припомнить другое обстоятельство, относящееся къ началу царствованія. Полиція, еще до графа Лорисъ-Меликова заявившая себя крайне неудовлетворительно, была при немъ окончательно скомпрометтирована въ общественномъ мнѣніи. Патріотическое чувство, глубоко пораженное злодѣйствомъ 1 марта, возбудило мысль *общественной* охраны Государя Императора. Государь, въ виду общаго разочарованія въ полиціи (которая начала *серіозно* реформироваться дѣйствительно лишь послѣ увольненія графа Лорисъ-Меликова), не счелъ нужнымъ пресѣкать это выраженіе заботливости преданныхъ ему вѣрноподданныхъ, хотя понятно, что, въ принципѣ, всякія частныя общества съ такими цѣлями составляютъ формально нарушеніе правильнаго теченія государственной жизни. Но въ мартѣ 1881 года нельзя было быть слишкомъ требовательнымъ въ отношеніи формальнаго порядка. Вотъ къ этому то обществу и рѣшили примкнуть нѣкоторые члены *Земскаго Союза*, съ цѣлью «исподоволь проводить идею федеративнаго конституціонализма въ высшихъ и даже придворныхъ сферахъ».

Для устной пропаганды въ интеллигентной средѣ, Земскій Союзъ, находя ее лично для своихъ членовъ неудобною, вслѣдствіе «ультралегальнаго положенія», прибѣгнулъ къ «извѣстному числу посредниковъ изъ лицъ принадлежащихъ къ свободнымъ профессіямъ». Для обезопасенія этихъ лицъ отъ подозрѣній полиціи, *Союзъ,* по тѣмъ же свѣдѣніямъ, не брезгалъ выдавать ихъ власти за полицейскихъ будто бы агентовъ. Такимъ образомъ, въ 1881 году эта группа конституціоналистовъ вступаетъ на путь вполнѣ заговорщической дѣятельности. Что касается воздѣйствія на общественное мнѣніе путемъ печати, то *Союзъ* тутъ находилъ затрудненія. Отдѣльныя статьи въ различныхъ газетахъ недостаточно выражали его мнѣнія, тѣмъ болѣе что съ «увольненіемъ графа Лорисъ-Меликова» затруднилась даже «междустрочная пропаганда». Поэтому *Союзъ* рѣшилъ издавать органъ за границей, для чего вступилъ въ соглашеніе съ эмигрантомъ М. Драгомановымъ. Эта газета, *Вольное Слово,* дѣйствительно основанная съ прекрасными денежными средствами, сначала скрывала свою принадлежность *Земскому Союзу,* и лишь въ послѣдствіи, когда существованіе этого тайнаго общества стало

уже невозможнымъ, самъ Драгомановъ напечаталъ чьимъ органомъ была его газета. Вообще всѣ свѣдѣнія о союзѣ стали за границей опубликовываться тогда, когда уже тайна стала безцѣльною. Въ 1883 году всѣ эти фантазіи уже разсѣялись, или, по крайней мѣрѣ, притаились безъ «публичныхъ оказательствъ», такъ какъ правительственныя дознанія вполнѣ раскрыли замыслы конституціоналистовъ, и дѣйствіямъ ихъ былъ положенъ конецъ.

XIV.

Возвратимся къ 1881 году. Располагая такъ необычно организованными силами, наши конституціоналисты во все время министерства графа Игнатьева отнюдь не считали своего дѣла проиграннымъ, тѣмъ болѣе что у нихъ, какъ это ни странно, жила надежда на возвращеніе графа Лорисъ-Меликова ко власти. Это уже совсѣмъ не дѣлаетъ чести ихъ сообразительности, но, какъ бы то ни было, они сначала дѣйствовали очень настойчиво. За отсутствіемъ опубликованныхъ данныхъ я не касаюсь ихъ дѣятельности *вообще.* Но она, по обыкновенію, выразилась и въ разныхъ, болѣе или менѣе демонстративныхъ заявленіяхъ общественныхъ собраній. Однако именно здѣсь скорѣе всего обнаружилась полнѣйшая безпочвенность всѣхъ замысловъ ограниченія монархіи. Несмотря на всю организованность силъ, конституціоналисты уже да-

леко не имѣли большихъ успѣховъ, ибо многія заявленія земскихъ собраній этого времени трудно даже назвать конституціонными. Такъ, напримѣръ, по поводу созыва *свѣдущихъ людей* многіе заявляли, что выборъ ихъ слѣдуетъ предоставить земствамъ. Но такое мнѣніе могъ выразить всякій, нисколько не стремящійся къ конституціи. Дѣйствительно, созывъ *свѣдущихъ людей* представлялъ мѣру вовсе не изъ удачныхъ. Если правительству нужны были *эксперты*, то оно должно было вызывать экспертовъ, а не земцевъ. Если же правительству нужны были голоса именно *земствъ*, то, конечно, было бы правильнѣе предоставить земцамъ указать своихъ представителей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ земскихъ собраніяхъ такъ и разсуждали.

Въ *большинствѣ* случаевъ, такими только заявленіями и пришлось удовольствоваться нашимъ конституціоналистамъ. Лишь иногда имъ удавалось вызывать крупныя демонстраціи. Особенно замѣчательно по своей дерзости помянутое выше Черниговское заявленіе, посланное въ отвѣтъ на Манифестъ 29 апрѣля. «Вѣруя безусловно въ силу и истину Самодержавной власти», говорятъ его составители, мы полагаемъ, «что истина эта сдѣлается

осязательнѣе и очевиднѣе для всего отечества нашего, когда Ты, Государь, войдешь въ непосредственное общеніе съ землей, черезъ излюбленныхъ людей ея». Но въ большинствѣ случаевъ агитація, бойко начатая, приводила лишь къ очень безцвѣтнымъ результатамъ. Такъ, Новгородская губернская управа стремилась подбить собраніе, «съ полною искренностію заявить правительству», что вопросъ о содѣйствіи общества «можетъ получить правильное рѣшеніе лишь при участіи въ его разсмотрѣніи уполномоченныхъ отъ земскихъ учрежденій». Но собраніе не поддержало этихъ стремленій. Въ Череповецкое уѣздное собраніе была представлена записка Н. Ѳ. Румянцева, который требовалъ «созыва выборныхъ отъ народа, въ качествѣ совѣщательнаго органа Самодержавной власти Государя по вопросамъ законодательнымъ». Это тоже оставлено собраніемъ безъ особыхъ послѣдствій. Вообще многочисленныя заявленія собственно *собраніями* (всего 12) сдѣланы были лишь по поводу созыва свѣдущихъ людей, то-есть на почвѣ наименѣе конституціонной.

Въ общей сложности, агитація 1881 года, веденная со столь хорошо организованными силами, могла, повторяю, доказать лишь *сла-*

бость конституціонной партіи въ странѣ. Какъ видно изъ предыдущаго, наши конституціоналисты, въ различныхъ фракціяхъ своихъ, не брезгали никакими средствами, начиная даже отъ «нѣкоторой помощи террористамъ», не стѣснялись обманывать и правительство, и общество, постоянно распинаясь предъ нимъ будто бы, требуя представительства, они не посягаютъ на Самодержавіе, хотя въ своей тайной программѣ вполнѣ опредѣленно ставили себѣ цѣлью уничтоженіе Самодержавной власти. Въ большинствѣ случаевъ только такимъ обманомъ и всякими подвохами успѣвала эта партія возбуждать видимость антиправительственныхъ демонстрацій, облегчаемыхъ тѣмъ, что обыкновенно ея же политиканы заранѣе захватывали главныя должности земскаго управленія. Но не помогли дутому дѣлу никакія интриги. При всей неопредѣленности политики перваго года царствованія, твердая рука Государя начала уже чувствоваться, и Манифестъ 29 апрѣля повсюду вызывалъ къ дѣятельности монархическія силы страны. Въ своихъ «Запискахъ» Кошелевъ горько жалуется на то, что «реакція» проявляется въ самомъ «земствѣ». «Особенно больно», говоритъ онъ, что *молодые* дворяне

примыкаютъ не къ либеральному направленію, и описывая какъ, на ближайшихъ выборахъ, онъ съ компаніей былъ побитъ «реакціонерами», меланхолически замѣчаетъ: «Числомъ голосовъ мы оказались въ меньшинствѣ, но если бы считать по прожитымъ годамъ, то мы были бы въ большинствѣ. Неужели Россія идетъ назадъ и молодые—болѣе реакціонеры, чѣмъ тѣ, которые жили и дѣйствовали во время крѣпостнаго права. Грустно!» (Стр. 271).

Наибольшій упадокъ духа наступилъ однако для конституціоналистовъ собственно съ того момента, когда Государь, окончательно убѣдившись въ томъ, что̀ они такое, и какія дѣйствительныя цѣли имѣетъ ихъ «непосредственное общеніе» власти съ «населеніемъ», призвалъ, въ маѣ 1882 года, на постъ министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Д. А. Толстаго. Назначеніе его ударило конституціоналистовъ, какъ обухомъ по головѣ. «Что̀ это такое»—въ негодованіи спрашиваетъ Кошелевъ:—«насмѣшка надъ общественнымъ мнѣніемъ, или желаніе нанести ему оскорбленіе?» «Назначеніе графа Толстаго», разсказываетъ онъ, «меня ошеломило и дозволяло мнѣ только тѣлесную, а не умственную работу. При перечтеніи моихъ *Записокъ* графъ Толстой не

выходилъ у меня изъ ума. Я бросилъ чтеніе и отправился гулять по рощамъ». Но ничто не помогало. Тѣнь Толстаго его преслѣдовала. «Графъ Толстой тутъ какъ тутъ». «Онъ меня давилъ и прерывалъ нить моихъ мыслей и занятій». «Во время прогулокъ графъ Толстой особенно мною овладѣвалъ; его прошлое и *отъ него ожидаемое* и Катковскія торжествующія статьи постоянно меня придавливали (265).

Это настроеніе, болѣе или менѣе общее всѣмъ конституціоналистамъ, почувствовавшимъ, что ихъ игрѣ пришелъ *конецъ*, вполнѣ, понятно, оправдалось дѣйствіями графа Д. А. Толстаго. Онъ не даромъ скоро получилъ прозвище «истребителя крамолы». Уничтоживъ всякія тайныя общества, круто подавивъ *всякія* нарушенія порядка, неуклонно требуя, чтобы теченіе дѣлъ государственныхъ шло *только* правильнымъ порядкомъ посредствомъ ясныхъ законныхъ учрежденій, онъ сдѣлалъ невозможными наиболѣе опасныя интриги конституціоналистовъ, прикрывавшіяся якобы заботой о безопасности Государя. Демонстраціи тоже стали менѣе удобны. Попробовали было въ Новгородѣ подать графу конституціонное заявленіе, но онъ немедленно смѣнилъ

председателя управы, — и все успокоилось. Печать, до крайности распущенная, потребовала мѣръ болѣе энергическихъ, но съ полнымъ уничтоженіемъ нѣсколькихъ явно-противуправительственныхъ органовъ и тутъ скоро поняли, что съ графомъ Толстымъ шутить не полагается. Вообще графъ Толстой имѣлъ, несомнѣнно, руку тяжелую, которая больно била, когда онъ считалъ это нужнымъ. Но это былъ умъ истинно государственный, вполнѣ понимавшій, что для возможности дальнѣйшаго развитія страны необходимо прежде всего уничтожить всякія попытки государственнаго переворота, откуда бы онѣ ни шли.

Съ 1882 года при Государѣ Императорѣ Александрѣ III началось полное крушеніе замысловъ, какъ революціонныхъ, такъ и конституціонныхъ. Элементы политическаго разложенія начинаютъ проявляться все меньше и меньше. Скоро ихъ единственною заботой стало — лишь бы не быть уничтоженными безъ остатка, лишь бы сохраниться хоть въ зародышѣ «до болѣе благопріятныхъ условій»...

Нужно надѣяться однако, что этихъ условій имъ уже не дождаться вторично. Количество развитыхъ умовъ все же возрастаетъ

у насъ къ концу вѣка, который и въ странахъ западной культуры разоблачилъ всю ничтожность парламентаризма. «Замѣчательно, говоритъ Англичанинъ по поводу рѣчи Государя Императора депутатамъ, что это возглашеніе принципа Самодержавія не вызвало у насъ тѣхъ воплей негодованія, какими бы несомнѣнно было встрѣчено нѣсколько лѣтъ назадъ. Это отъ того, что намъ *стало уже стыдно за нравственное крушеніе нашего конституціонализма и республиканства*» (Review of Reviews). Царская рѣчь является признакомъ времени не для однихъ Русскихъ. Идеалы прочнаго внутренняго строя, существенно монархическіе, возстаютъ въ мірѣ на борьбу съ началами анархизма, спасая подрываемую имъ свободу и развитость личности. Не въ такую минуту, нужно надѣяться, откажемся мы отъ лучшаго наслѣдія своей исторіи.

